
ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА
№ 19 МАЙ 1976

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 19 (2548)

8 МАЯ 1976

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩА

И Н

ДЬ, 1 МАЯ 1976 ГОДА

Фоторепортаж
с Красной площади вели:
А. ГОСТЕВ, Г. КОПОСОВ,
А. НАГРАЛЬЯН

МОСКВА.

1 МАЯ 1976 ГОДА

ЛЕНИНГРАД.

КИЕВ.

УЛЬЯНОВСК.

ТАЛЛИН.

Фото ТАСС

ТАШКЕНТ.

ВЛАДИВОСТОК.

КОСТРОМА.

НАБЕРЕЖНЫЕ ЧЕЛНЫ.

Товарищ Л. И. Брежнев прикрепляет орден Октябрьской Революции к знамени Московского автозавода имени И. А. Лихачева

Фото А. Пахомова, М. Скурихиной

ВСТРЕЧА ТОВАРИЩА Л. И. БРЕЖНЕВА С РАБОЧИМИ АВТОЗАВОДА ЗИЛ

«...Чем бы ни занималась партия, будь то внешнеполитические дела или мероприятия внутреннего характера, мы, коммунисты, постоянно задаем себе вопрос: как, каким образом повлияет решение той или иной проблемы на жизнь и благосостояние советского народа, на обеспечение мирных условий для созидательного труда во имя коммунизма, на упрочение всеобщего мира».

Из речи товарища Л. И. Брежнева на встрече с рабочими автозавода ЗИЛ.

Праздник международной солидарности трудящихся стал для коллектива Московского автозавода имени И. А. Лихачева вдвойне торжественным: к рабочим завода 30 апреля приехал Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев.

Тепло и сердечно встретил коллектив автозаводцев товарища Л. И. Брежнева и прибывших с ним члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова, члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС А. П. Кириленко, члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря МГК КПСС В. В. Гришина.

Состоялась беседа товарища Л. И. Брежнева, других руководителей партии с активом завода. Леониду Ильичу Брежневу были представле-

Товарищи Л. И. Брежнев, М. А. Суслов, А. П. Кириленко, В. В. Гришин с передовиками производства автозавода.

Фото А. Гостева

ны лучшие рабочие ЗИЛа — Герои Социалистического Труда, кавалеры орденов Ленина, новаторы производства.

Леонид Ильич познакомился с передовиками производства, сердечно поздравил их с трудовыми успехами, с наступающим праздником Первомая.

Генеральный директор объединения П. Д. Бородин рассказал о заводе, о результатах развернувшегося на предприятии социалистического соревнования, о внедрении в производство новейших достижений науки и техники.

Леонид Ильич Брежнев интересовался экономической эффективностью и техническими данными новых автомобилей, их характеристиками в сравнении с мировыми стандартами. Он обстоятельно расспрашивал об организации труда, учебы и отдыха работников предприятия, советовался с рабочим активом о возможных резервах повышения качества продукции, о путях скорейшего внедрения в производство новых методов труда.

С теплыми, сердечными словами к Леониду Ильичу Брежневу обратилась мастер сборочного цеха Герой Социалистического Труда М. А. Садова.

В книге почетных гостей Генеральный секретарь ЦК КПСС сделал следующую запись:

«Дорогие товарищи автозаводцы!

С чувством глубокого удовлетворения я встретился с вашим прославленным коллективом. Столичный автозавод — это одно из лучших предприятий машиностроения страны, хороший пример высокоорганизованного производственного объединения, где успешно решаются многообразные задачи технического, экономического и социального характера.

Дружный коллектив автозаводцев, как и весь славный рабочий класс нашей страны, глубоко предан делу партии, делу строительства коммунизма. В уверенной трудовой поступи ЗИЛа проявляется большая организаторская и политическая работа заводских коммунистов.

Желаю вам, дорогие друзья, новых успехов в выполнении решений XXV съезда партии, больших трудовых достижений, крепкого здоровья и счастья.

Л. Брежнев».

Товарищи Л. И. Брежнев, М. А. Суслов, А. П. Кириленко, В. В. Гришин побывали в цехах, подробно ознакомились с главным конвейером.

Леонид Ильич Брежнев поздравил рабочих главного конвейера с наступающим праздником весны, труда и мира, пожелал им трудовых успехов.

У сборочного корпуса товарищи Л. И. Брежнев, М. А. Суслов, А. П. Кириленко, В. В. Гришин ознакомились с образцами первых советских грузовиков и выпускаемых сейчас предприятием скоростных многотонных машин.

Двенадцать тысяч рабочих пришли в сборочный цех на торжественный митинг.

Долго не смолкавшей овацией встретили автозаводцы товарищей Л. И. Брежнева, М. А. Суслова, А. П. Кириленко, В. В. Гришина.

Митинг открыл секретарь парткома В. А. Красильников.

Участники митинга единодушно избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС.

Слово предоставляется товарищу Леониду Ильичу Брежневу. Присутствующие встречают его бурными, долго не смолкающими аплодисментами.

Речь товарища Л. И. Брежнева была выслушана с огромным вниманием, неоднократно прерывалась бурными аплодисментами, здравицами в честь Коммунистической партии, ее ленинского ЦК.

Товарищ Л. И. Брежнев огласил текст Указа Президиума Верховного Совета СССР и под бурные аплодисменты прикрепил орден Октябрьской Революции к знамени завода.

Затем слово предоставляется генеральному директору объединения Герою Социалистического Труда П. Д. Бородину.

На митинге выступили также кузнец-штамповщик главного кузнечного цеха Герой Социалистического Труда К. Н. Малин и комсомолка токарь арматурного корпуса Тамара Борисова.

Участники митинга единодушно приняли приветственное письмо Центральному Комитету КПСС, Президиуму Верховного Совета СССР.

В сборочном корпусе автомобилей.

Фото В. Мусаэльяна и В. Соболева (ТАСС)

28 апреля. Колонный зал Дома союзов. В почетном карауле — руководители Коммунистической партии и Советского государства.

СТРАНА ПРОЩАЕТСЯ С А. А. ГРЕЧКО

С глубокой скорбью воспринял советский народ весть о кончине Андрея Антоновича Гречко — видного деятеля Коммунистической партии и Советского государства, одного из активных строителей Вооруженных Сил СССР, выдающегося советского полководца, прославленного героя Великой Отечественной войны.

Дом союзов. На фронтоне здания — портрет А. А. Гречко в траурном обрамлении. 28 апреля здесь, в Колонном зале, на постаменте среди цветов установлен гроб с телом покойного.

11 часов. В почетный караул становятся товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. Ф. Катушев, М. В. Зимянин, К. У. Черненко.

Затем руководители Коммунистической партии и Советского государства подходят к родным и близким А. А. Гречко. Они выражают им свои глубокие соболезнования.

Десятки тысяч москвичей нескончаемым потоком идут в Колонный зал.

Вместе с советскими людьми отдают дань глубокого уважения полководческому таланту Маршала Советского Союза А. А. Гречко представители ряда коммунистических и рабочих партий, военные делегации братских стран социалистического содружества, ряда других государств.

На следующий день в 12 часов доступ к праху покойного прекратился. В зале остались родные, близкие, друзья и соратники Андрея Антоновича Гречко. Последние минуты прощания.

Под звуки траурной мелодии члены правительственной комиссии по организации похорон поднимают урну и выносят ее из Колонного зала Дома союзов.

В скорбном молчании застыл почетный воинский караул. Урна устанавливается на орудийный лафет. Кортеж направляется к Красной площади.

На Красной площади — тысячи трудящихся столицы. Здесь же, на трибунах, — представители общественности Москвы, партийные и советские работники, руководители министерств и ведомств СССР, прославленные советские воины, Маршалы Советского Союза и родов войск, генералы, адмиралы и офицеры, деятели науки и культуры.

Присутствуют члены военных зарубежных делегаций, прибывших в Москву, чтобы отдать последний долг Маршалу Советского Союза А. А. Гречко, главы дипломатических представительств, аккредитованные в Советском Союзе, военные атташе.

13 часов. Члены правительственной комиссии по организации похорон снимают с орудийного лафета урну с прахом покойного и устанавливают на постамент перед Мавзолеем В. И. Ленина.

На центральную трибуну Мавзолея поднимаются товарищи Л. И. Брежнев, Ю. В. Андропов, В. В. Гришин, А. П. Кириленко, А. Н. Косыгин, Ф. Д. Кулаков, К. Т. Мазуров, Н. В. Подгорный, М. А. Суслов, Д. Ф. Устинов, П. Н. Демичев, Б. Н. Пономарев, М. С. Соломенцев, И. В. Капитонов, В. И. Долгих, К. Ф. Катушев, М. В. Зимянин, К. У. Черненко, члены правительственной комиссии по организации похорон.

Траурный митинг открывает председатель правительственной комиссии — член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Д. Ф. Устинов.

Выступает член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК КПСС В. В. Гришин.

К участникам митинга обращается первый заместитель министра обороны СССР Маршал Советского Союза И. И. Якубовский.

Говорит рабочий завода «Ростсельмаш» Герой Социалистического Труда Д. В. Ефимов.

Слово предоставляется генерал-полковнику П. И. Ефимову.

Выступает член Политбюро ЦК ПОРП, министр национальной обороны ПНР генерал армии В. Ярузельский.

Траурный митинг объявляется закрытым.

Руководители Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства сходят с трибуны Мавзолея. Они поднимают урну и направляются к Кремлевской стене.

Д. Ф. Устинов устанавливает урну с прахом А. А. Гречко в нишу, которая закрывается мемориальной доской.

Над площадью звучит Государственный гимн Советского Союза. Торжественным маршем проходят воинские подразделения.

29 апреля. Траурный кортеж на Красной площади. Фото А. Гостева

Руководители Коммунистической партии и Советского государства несут урну с прахом Андрея Антоновича Гречко к Кремлевской стене.

С ОФИЦИАЛЬНЫМ ВИЗИТОМ

По приглашению французского правительства член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко совершил официальный визит во Францию с 27 по 30 апреля 1976 года. Министр иностранных дел СССР имел беседы с министром иностранных дел Франции Ж. Сованьяргом. Во время своего пребывания в Париже А. А. Громыко был принят президентом Франции В. Жискар д'Эстэном.

Состоялся обмен мнениями по основным международным проблемам, и в частности таким, как претворение в жизнь решений Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, положение на Ближнем Востоке, разоружение, по некоторым другим проблемам, связанным с интересами международной безопасности, а также по вопросам развития сотрудничества между Советским Союзом и Францией.

Президент Франции В. Жискар д'Эстэн и министр иностранных дел СССР А. А. Громыко.

Телефото АП — ТАСС.

СЕССИЯ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВ

В конце апреля в Москве состоялась XXXIII сессия Академии художеств СССР. Сессию открыл президент академии, Герой Социалистического Труда Н. В. Томский. С докладом «Историческое значение XXV съезда КПСС и задачи культурного строительства» выступил кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, министр культуры СССР П. Н. Демичев.

— XXV съезд партии,— сказал он,— стал событием всемирно-исторического значения, крупнейшей вехой в борьбе сил прогресса за мир, демократию и социализм, важным рубежом построения коммунистического общества в нашей стране.

П. Н. Демичев проанализировал задачи, поставленные съездом в области идейно-воспитательной работы, культурного строительства. Все более важную роль в духовной жизни страны играет изобразительное искусство, сказал он. Успех таких экспозиций, как юбилейная выставка произведений академиков, выставка «Слава труду!», а также выставка работ молодых художников, наглядно показывает, что у нас сложились богатые и прочные традиции искусства социалистического реализма. Храня верность прогрессивным, национальным и общенародным традициям, советское изобразительное искусство выступает сегодня как органический сплав всего лучшего, что создается в мире.

В ходе обсуждения актуальных задач деятельности академии, творческих итогов развернутой в эти дни выставки мастеров-академиков с трибуны сессии выступили художники и искусствоведы: Н. Томский, Т. Салахов, В. Бородай, Е. Кибрик, И. Заринь, М. Аникушин, И. Кузминскис, Д. Шмаринов, Г. Айтиев, Г. Ханджян, Б. Ефимов, Т. Яблонская, Ф. Решетников, В. Ванслов, С. Григорьев, В. Кеменов, А. Гончаров, Д. Налбандян и другие.

Участники сессии приняли резолюцию, в которой единодушно одобрили исторические решения XXV съезда КПСС.

На снимке: идет сессия Академии художеств СССР.

Фото В. Шарфенберга.

ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА

12 мая в Колонном зале Дома союзов открывается VIII съезд ордена Ленина Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР.

Активисты Союза — общественные санитарные инспектора, члены санитарных постов и сандружин — надежная опора медиков в санитарно-оздоровительной работе, в пропаганде медицинских знаний среди населения. Они помогают специалистам осуществлять контроль на различных объектах народного хозяйства, участвуют в профилактических мероприятиях, в пропаганде здорового образа жизни. А при необходимости оказывают первую медицинскую помощь при травмах, несчастных случаях, внезапных заболеваниях.

Одним из важнейших направлений деятельности Советского Красного Креста является безвозмездное донорство, обеспечение за его счет потребности современной медицины в донорской крови. За 1971—1975 годы в стране привлечены в ряды доноров около 32 миллионов человек.

Союз обществ оказывает бескорыстную помощь народам, пострадавшим от стихийных бедствий, вооруженных конфликтов, агрессии, помощь жертвам реакционных режимов. За девятую пятилетку Советский Красный Крест оказал безвозмездную помощь 138 раз.

Сандружинницы (Обнинск). Фото В. Водовозова

Ю. КРИВОНОСОВ,
А. ЩЕРБАКОВ,
специальные корреспонденты «Огонька»

В о что могут играть мальчишки в Бресте! Конечно, в защитников Брестской крепости. С крепостью в этом городе связано все: воспитание детей, осмысление своего места в жизни, праздники... И потому, что крепость — символ нашего патриотизма и нашей доблести, и потому, что здесь знаменательно сплавились дни — 22 июня и 9 мая: бои в Бресте, как показала история, следует считать началом боев за рейхстаг. Да, уже тут, на первом километре советской земли, стало очевидным, что в планах блицкрига не учтено главное — сила нашего духа, на которую не были рассчитаны ни пушки Круппа, ни самолеты «Мессершмитт», и этот первый брестский километр, пройденный гитлеровцами более чем за месяц, по существу, стал первым километром на нашем пути к Берлину.

Начальник генерального штаба сухопутных войск вермахта генерал-полковник Гальдер отмечал в своем дневнике, что высшее военное начальство рейха даже разбирало своеобразное «персональное дело» 45-й стрелковой дивизии, которой никак не удавалось подавить сопротивление гарнизона Брестской крепости. Шел второй месяц войны, фронт проходил уже у Смоленска, а защитники Бреста продолжали драться. Словом, в Берлине взбесились не зря: на первом же километре советской территории престиж германской ар-

◄ Здесь стояла насмерть застава лейтенанта А. М. Кижеватова.

Мемориал «Брестская крепость-герой». Автор — народный художник СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР А. П. Кибальников. ►

9 МАЯ — ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

ПЕРВЫЙ КИЛОМЕТР СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛИ

ми получил незаживающее тяжелое ранение.

И разве не символично, что сегодня в легендарной Брестской крепости вручал юношам и девушкам комсомольские билеты Владимир Анатольевич Абрамов, боевой офицер-артиллерист, принимавший участие в штурме рейхстага, а ныне научный сотрудник музея истории обороны Брестской крепости; что сюда, к этим священным камням, приезжают школьники из соседних областей Украины, чтобы именно здесь произнести слова пионерской клятвы...

Ребята из брестского ПТУ № 65 получили свои первые паспорта — красные книжицы с гербом нашей страны на обложке — из рук Анастасии Антоновны Аршиновой. Жена командира Красной Армии, она 22 июня 1941 года взяла в руки винтовку и больше двух недель дралась за эту крепость, а потом, до самого освобождения города, сражалась в партизанском отряде. Теперь она пенсионерка, но рабочее ее место до сих пор на ковровом комбинате. А боевой пост — в крепости, среди молодежи. И таких, как Аршинова, здесь много,— только в числе научных работников музея тридцать ветеранов Великой Отечественной войны.

Все помнят, как встретил этот город непрошеных гостей, и широко известно его гостеприимство, когда люди пересекают границу с добрыми намерениями, с чувством миролюбия, с желанием дружить и сотрудничать. Сотни тысяч человек встречает ежегодно граница в Бресте. Более ста поездов минуют каждые сутки пограничную железнодорожную станцию Брест, а через автодорожный контрольно-пропускной пункт непрерывным потоком движутся автопоезда международных перевозок, автобусы с туристами, легковые автомобили. Граждане ста сорока стран мира почувствовали в послевоенные годы, что первый километр земли у Буга — это начало великой страны, где умеют ценить и беречь все завоеванное в кровопролитных боях во имя мира на планете.

Пограничный Брест любезно показывает приезжим построенные за последние десятилетия заводы, новый институт, светлые кварталы недавно поднявшихся жилых домов, он знакомит гостей со старожилами и новоселами.

Весна пришла в Брест. Пригрело солнце, и зеленой новью раскрылись тополя на набережной, запестрел разноцветными майками стадион, горожане сняли пальто, и по орденским колодкам вдруг сразу стало видно, как много живет в этом городе людей, благодаря которым и сам он и вся наша великая страна стали такими, какими их видит нынче мир.

...Мальчишки играют в защитников Брестской крепости. Они растут рядом с ней, особенно хорошо ощущая тут величие и смысл подвигов отцов и дедов...

■

Священные камни Бреста.

Фото Ю. КРИВОНОСОВА.

У Вечного огня.

И снова весна...

Брест. Улица Московская.

В гостях у пограничников Герой Советского Союза И. А. Ермолаев.

Комсомольские билеты вручает В. А. Абрамов.

ПУТЬ ТА

Франтишек Коминек из деревни Добромержице: «Никогда не забуду, как встречали мы наших освободителей».

Здесь, у въезда на пражскую площадь Кларов, пал смертью храбрых гвардии лейтенант Гончаренко.

Владимир ЛЕНСКИЙ, корреспондент журнала «Кветы»

Фото В. ЛАММЕРА

Известный чешский поэт Витезслав Незвал написал о нем стихи — о танке, который стоит на пьедестале в центре одной из пражских площадей. Вокруг, как всегда весной, буйствует сирень. 9 мая сорок пятого боевая машина с номером 23 на броне среди первых вошла в столицу Чехословакии.

Сюда, на эту площадь, приходят люди, чтобы вспомнить прошлое, положить на гранитный постамент цветы в знак уважения и признательности Советской Армии.

Мужчине на вид было под сорок. Он держал за руку мальчика лет восьми и, указывая на памятник, отвечал на бесконечные «почему» сына. Я подумал: знает ли этот человек и все другие люди, которые приходят сюда, путь танка, которым командовал гвардии лейтенант Иван Гончаренко? Что, если сегодня проехать по той самой дороге, которой шел он в Прагу?

Город Циновец. Те, кого настигла здесь вражеская пуля, первыми пали в Пражской операции. А живые двинулись дальше. За Циновцем дорога идет вниз. Отсюда первые танки спускались к Теплице. Чтобы сократить путь, некоторые машины пошли по железнодорожной линии, промчались через туннель, потом по узкому мосту, ширины которого едва им хватило.

Сейчас Циновец — это оживленный городок у границы с ГДР. В обе стороны через пропускной пункт непрерывным потоком идут машины — легковые, туристские автобусы, грузовики.

Из Циновца едем по широкому асфальтированному шоссе. Потом начинаются серпантины. По ним нелегко вести даже легковую машину. А провести здесь под огнем тридцатитонный танк, наблюдая за дорогой через узкую смотровую щель, без сна и отдыха, без остановки? Иван Гончаренко, Илья Шкловский, Валентин Чернов и все другие, живые и мертвые, имен которых мы не знаем! Всем вам — наш низкий поклон за подвиг, за мужество.

Долина стала шире, вдоль дороги появились дома. Проезжаем Ржетенице, Осек, Литвинов...

Деревня Добромержице. Колодец около школы. Здесь остано-

ТЕПЛО СОЛДАТСКИХ РУКОПОЖАТИЙ

А. ГОЛИКОВ

В Сан-Франциско заходим в магазин «Русская книга». На прилавках сочинения Пушкина, Льва Толстого, Гоголя, Достоевского... Несколько книжек советских писателей: «Тихий Дон» Шолохова, рассказы Лавренева, «Живые и мертвые» Симонова. Продавец, высокий, сухощавый, с обильной сединой в волосах, прислушиваясь к нашему разговору, широко улыбается:

— Наверняка вы из Советского Союза!— и называет себя:— Владелец фирмы Джон Шейн. А если по-русски, то Иван Кривошеин. Нашу фамилию здесь сократили: трудно произносить. Рад видеть у себя советских граждан. Русские солдаты спасли мне жизнь.

Мистер Шейн ведет нас в свой кабинет, усаживает за столик, угощает кофе. По-русски говорит хорошо, хотя с заметным акцентом. Он уроженец штата Калифорния, а родители приехали из Петрограда. У отца на Литейном проспекте был большой книжный магазин, который он унаследовал от деда. Словом, Кривошеины — потомственные книготорговцы.

Джон Шейн с отличием окончил колледж, стал бакалавром искусств. Но тут Америка вступила во вторую мировую войну, и бакалавр сделался командиром пехотной роты. Воевал в Европе. Когда немцы начали неожиданное контрнаступление в Арденнах, рота Шейна попала под удар танков фон Мантейфеля. Шейн был оглушен разрывом снаряда, и его взяли в плен.

Пленных американцев привезли в Дрезден. Здесь их заставили работать на секретном военном заводе.

— Кормили плохо, обращались грубо, но далеко не так жестоко, как с советскими военнопленными,— вспоминает мистер Шейн.— Почти перед самой капитуляцией фашистской Германии над Дрезденом появились тучи английских и американских самолетов. Бомбежка была ужасная. Все горело и рассыпалось в прах. Секретный завод тоже сгорел дотла. Из трехсот работавших на нем американцев в живых осталось тридцать.

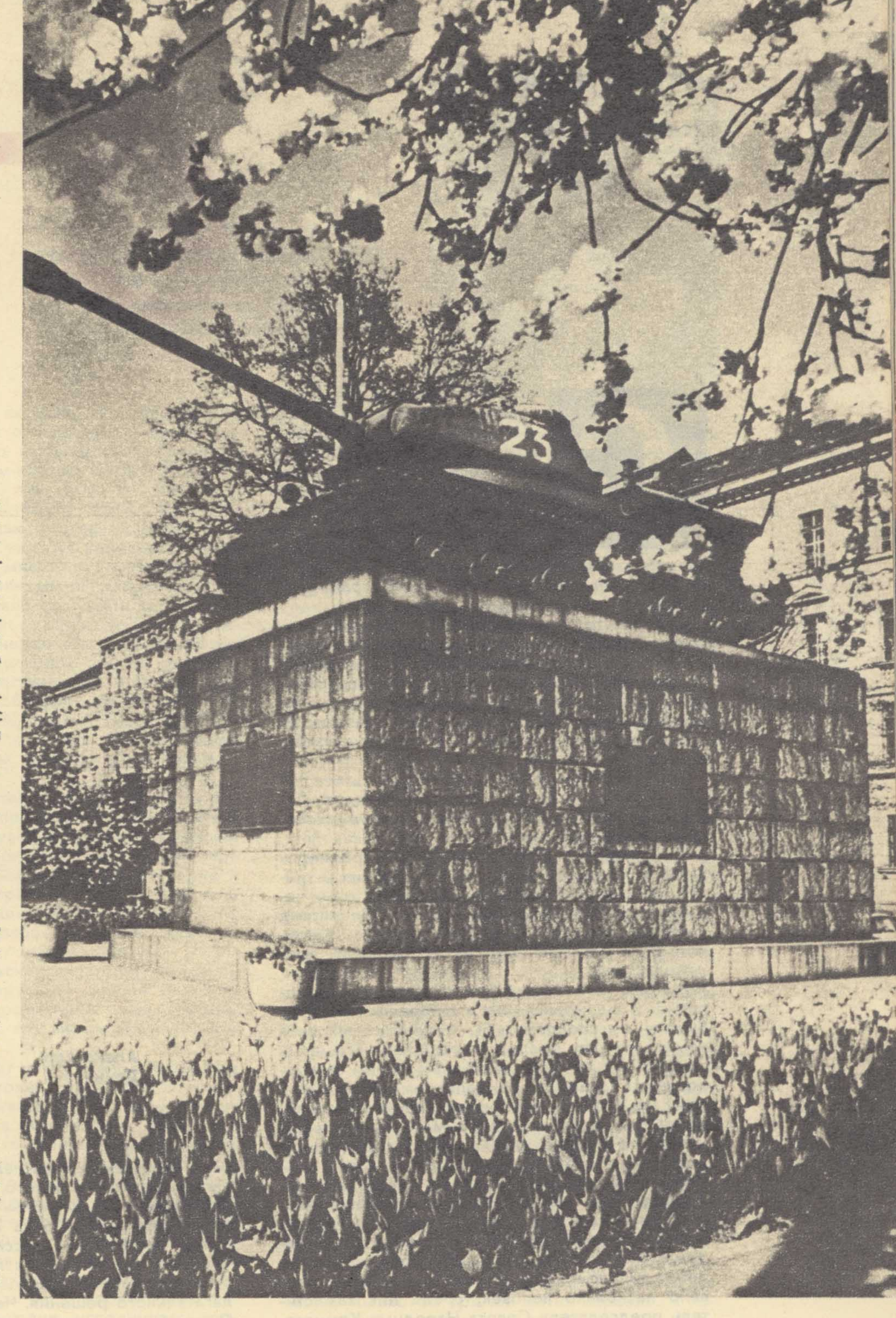
Вскоре нас отправили к чехословацкой границе. Стояло начало мая. Буйно цвели сады. Эсэсовцы привезли нас в какой-то мрачный каземат, обнесенный высокой каменной оградой. Ночевали прямо на бетонном полу. А утром с радостью услышали приближающийся шум боя — русские наступали. Тогда мы еще не знали, что эсэсовцы имели приказ: в случае

НКА № 23

вился танк лейтенанта Гончаренко. Старшина Валентин Чернов вылез из машины, чтобы набрать воды. Ему с готовностью помог какой-то старик. А потом он обнял Чернова, как родного сына. И тут началось! Со всех сторон стали подбегать люди, жали ему руки, целовали. Это историческое событие в жизни деревни Добромержице так описано в местной хронике: «К вечеру 8 мая мы заметили танки, которые шли по дороге от села Ране. Сначала нам показалось, что это немецкие, но, когда они приблизились, на улице кто-то крикнул: «Русские!» Что было потом, трудно описать. Столько жителей деревни, выстроившихся вдоль дороги, по которой шли советские танковые части, я еще никогда не видел. Столько радости и счастливых улыбок — тоже нет».

Так записано в хронике. Председатель местного национального комитета Иржи Кайзер и Франтишек Коминек были свидетелями этих событий. С Валентином Черновым после той памятной встречи они виделись еще два раза — в 1963 и 1965 годах, когда он приезжал по их приглашению в Добромержице.

Недалеко от Добромержице лежит город Лоуны. Отсюда до Праги совсем недалеко. Стемнело. Танки двигались при свете фар. Вдоль дороги не смолкали сердечные приветствия. Когда подошли к окраине столицы, на востоке стало светать. В 6-м пражском районе, в месте под названием «На Боржиславце», советские танкисты подошли к первой пражской баррикаде, оттуда в соответствии с приказом дальше, к Влтаве. Вот они уже в самом городе. Перекресток. Гончаренко на минуту заколебался: в каком направлении ехать? На его машину вскочил чешский патриот, рабочий Франтишек Соучек: «Я вас поведу!» И провел к площади Кларов. Никто не подозревал, что именно там подстерегают танкистов две фашистские пушки. Прежде чем экипаж заметил опасность, одна из них выстрелила, и Гончаренко был убит. Танки, следовавшие за первым, в несколько секунд разгромили фашистскую оборону. Гвардии лейтенант Гончаренко не дожил до своего 25-летия. Те, кто знал его, помнят, как он сказал: «Ну, вот, ребята, последняя атака, а потом по домам!» Он не вернулся в родную деревню, которая теперь носит его имя. Посмертно лейтенанту было присвоено звание почетного гражданина Праги. Имя его навеки вписано в Памятную книгу города. Он пал смертью храбрых в борьбе за свободу Чехословакии. Его тело было перенесено через Влтаву и похоронено на площади, которая теперь называется площадью Красноармейцев.

Советский танк на пьедестале бессмертной славы.

приближения советских войск всех военнопленных, работавших на секретном заводе, уничтожить.

И фашисты стали выполнять этот приказ. Они поспешно отсчитали десять человек и вывели их во двор. Послышались выстрелы. Потом вывели на двор еще десятерых, в том числе и меня. Никогда не забуду то утро. Небо было по-весеннему голубое, теплый воздух напоен ароматом цветущих яблонь, а на асфальте возле стены лежали в крови наши товарищи. Нас поставили на их место под дула автоматов. Офицер в черном мундире поднял руку, и предсмертная тоска сжала сердце. Но тут железные ворота ограды слетели с петель, и, гремя гусеницами, во двор вошел советский танк, а за ним автоматчики.

Фашистов русские перестреляли, а нас приняли как братьев. Мы были невероятно грязны, страшно голодны. И нас сразу отправили в какую-то санитарную часть. Здесь нас отмыли, переодели во все чистое и только усадили за столы, как на улице началась стрельба. Мы подумали, что прорвались немцы, закричали: «Дайте нам оружие!» — но... оказалось, это салют. Фашистская Германия безоговорочно капитулировала.

И какое же было ликование! Мы крепко обнимались с советскими офицерами, поднимали бокалы за вечную и нерушимую дружбу между нашими народами. Пили за павших товарищей, за тех, кто не дожил до этого великого дня, и клялись не допустить новой войны. А на другой день нас в машинах под американскими и советскими флагами повезли к Эльбе, где тогда стояла наша 69-я пехотная дивизия, соединявшаяся с советскими войсками...

— А как идут дела вашей фирмы? Есть ли спрос на русские книги? — спросили мы.

— Этот магазин я унаследовал от отца и не стал заниматься другим бизнесом, даже во времена недоброй памяти «холодной войны», — ответил мистер Шейн. — Продавая русские книги, я, пусть и в малой мере, помогаю соотечественникам познакомиться с русской культурой. Интерес к ней у американцев всегда был большой, особенно у жителей Сан-Франциско. Недаром один район города носит название «Русский холм». Там похоронено несколько моряков с русской эскадры, которая пришла в Сан-Франциско во время нашей гражданской войны, на помощь Северным Штатам. Кстати, в то время русский полковник Иван Васильевич Турчанинов был одним из генералов армии Линкольна.

— А почему, — спрашиваем мы, — у вас в магазине все-таки мало книг современных советских писателей?

В ответ мистер Шейн смущенно пожимает плечами:

— К сожалению, их в Штатах почти не издают. Большая пресса не пишет о произведениях советской литературы, издатели поэтому утверждают, что не будет спроса и они понесут убытки. Но это пустой разговор. Книги советских писателей, которые вы видели у меня на прилавках, я выписал из Англии, и они сегодня будут раскуплены. Американцы хотят знать правду о Советском Союзе. Они хотят ближе познакомиться с вашей историей, техникой, литературой, изобразительным искусством, кинематографией. Недавно в Кеннеди-сентер показывали «Калину красную». Я за билетом на этот фильм простоял полдня в очереди. Многие так его и не увидели.

Уверен, что обмен культурными ценностями между нашими народами должен быть значительно шире. Это подразумевает и политика разрядки напряженности, которую одобряет и поддерживает подавляющее большинство американцев. И, уж конечно, так думают те ветераны второй мировой войны, которым посчастливилось встретиться с русскими на Эльбе. Тепло наших солдатских рукопожатий не остыло с годами. Мы верны боевой дружбе и клятве, которую тогда дали: не жалеть сил для укрепления мира.

страницы минувшего

СТОЙК

Седьмого сентября 1941 года наркома торговли СССР А. В. Любимова и меня, наркома торговли РСФСР, вызвали в Кремль. Когда мы вошли в кабинет А. И. Микояна, он сидел за большим столом, склонившись над бумагами. Анастас Иванович поздоровался, подошел к маленькому столику, взял отложенную в сторону телеграмму и, передавая ее Любимову, сказал:

— В Государственный Комитет Обороны поступила телеграмма председателя Ленгорисполкома Попкова. Он сообщает, что в городе запасы продовольствия на исходе, и просит указания об ускоренной доставке грузов. Но как это сделать, когда немцы перехватили последнюю железную дорогу, связывающую Ленинград со страной?

Прочитав телеграмму, Любимов заметил, что, по его расчетам, продовольствия в Ленинграде должно быть больше, чем указывается в телеграмме.

— Проверьте и доложите мне о размерах запасов каждого вида продовольствия,— сказал Микоян.— Возможно,— добавил он,— кому-либо из вас придется выехать в Ленинград и там вместе с Военным Советом фронта принять более строгие меры в расходовании продовольствия.

Мы оба заявили, что готовы выехать немедленно. Я высказался, что в интересах дела Любимову не следовало бы отлучаться из наркомата, так как предстоит решить много неотложных дел, связанных со снабжением эвакуированных граждан из западных областей, к тому же в ряде городов еще не закончен переход на карточную систему. Микоян на это ничего не ответил, сказал лишь, чтобы мы находились у себя, в наркомате, он даст знать, что делать дальше.

Около трех часов ночи мне позвонил Анастас Иванович и попросил приехать к нему. Очевидно, предстоит поездка в Ленинград, подумал я. И не ошибся. В кабинете шло обсуждение какого-то важного вопроса. Присутствовало несколько человек, среди них заместитель председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. А. Малышев. Вскоре Микоян объявил перерыв и, обратившись ко мне, сказал: «Товарищ Сталин поручил вам выехать в Ленинград в качестве уполномоченного Государственного Комитета Обороны по обеспечению населения города и войск фронта продовольствием. Руководство снабжением населения Ленинграда и войск фронта сосредоточится в одном органе — Военном Совете фронта. Вам поручено установить строгий контроль за расходованием продовольствия и докладывать в ГКО о положении дел. Вылетайте утром, а удостоверение получите у товарища Поскребышева». Я ответил, что приму все зависящие от меня меры.

— Продовольствие из центральных областей будет поступать на станцию Волхов, а оттуда по реке и Ладожскому озеру надо обеспечить его доставку в Ленинград,— добавил Микоян. Мне трудно было представить, как это сделать, и я промолчал.— Ставка,— продолжал Анастас Иванович,— принимает меры к деблокированию Ленинграда со стороны станции Мги, о чем дано распоряжение командующему 54-й армией. Передайте привет Ворошилову и Жданову и чаще информируйте ГКО.

Я пошел в отдел, который находился здесь же, в Кремле, в другом конце здания. По дороге у меня два раза проверяли документы (строгость была усилена). Войдя в кабинет А. Н. Поскребышева, я увидел его за столом, он рассматривал лежащие перед ним бумаги. Их было много, телеграммы были разложены на несколько пачек. «Подождите!» — проговорил он в ответ на мое приветствие, продолжая рассматривать донесения. Одни из них он клал в папку «Для доклада», очевидно, особо срочные, требующие безотлагательного решения. Через несколько минут Поскребышев вышел в другую комнату с папкой и через пять-шесть минут вернулся.

— Вы можете лететь,— сказал он.— Удостоверение вам будет доставлено.

...Самолет поднялся с Внуковского аэродрома и взял курс на Череповец. Здесь сделали посадку. Командир корабля ушел в здание аэропорта для выяснения обстановки и долго не возвращался, а когда вернулся, то сообщил, что полет разрешили только до Хвойной.

На аэродроме в Хвойной было людно, все ждали случая улететь в Ленинград, но на транспортные самолеты, до предела загруженные военным снаряжением, никого не разрешали брать. Пришлось представиться майору, командиру авиаотряда, и просить его как можно быстрее переправить нас в Ленинград. Со мною был полковник интендантской службы Д. И. Кокушин, прикомандированный Наркоматом обороны для помощи в наблюдении за использованием продовольствия в войсках фронта. Майор стал объяснять, что лететь без сопровождения истребителей опасно, а их нет, и просил нас подождать до следующего дня. После моей настойчивой просьбы он с неохотой разрешил вылет. Подойдя к одному из шести подготовленных к полету самолетов, он переговорил с пилотом и подал нам знак на посадку.

Мы кое-как уселись среди тяжелых ящиков. Вскоре все шесть машин поднялись в воздух. Вооруженные пулеметами, они прикрывали друг друга и шли на бреющем полете — три-четыре метра над водой. Такая тактика в значительной мере предохраняла от нападения «мессершмиттов», карауливших одиночные советские самолеты над озером. Группа транспортных кораблей обладала мощным, кучным огнем, и враг остерегался атаковать их.

Александр Данилович Калина

Командир самолета, старший лейтенант, пригласил меня в кабину пилотов. Из нее было хорошо видно, как справа и слева на близком расстоянии от нашего корабля летели два других. Такое же звено следовало за нами. На каждой машине — более двух тонн груза, предельная нагрузка для ЛИ-2.

— Сколько вы делаете рейсов за день? — спросил я.

— Два,— ответил пилот.

— Устаете?

— Конечно, но мы рады, когда успеваем сделать три вылета: доставляемые нами грузы помогают артиллеристам громить вражеские позиции.

Разговаривая, командир корабля Александр Данилович Калина пристально следил за небом. Зоркий глаз летчика все видел и примечал. И, как бы отвечая на мой незаданный вопрос, Калина сказал: «Мессершмитты» скрываются за облаками, сверху им легче нападать...»

Вскоре в дымке солнечного утра показался Ленинград. Приземлились мы на аэродроме. Перед нашим прилетом авиация противника бомбила его, но взлетная полоса не была повреждена. Прощаясь, старший лейтенант пожал мне руку: «Если потребуемся, дайте знать — выполним любое задание».

Коренастый, собранный, с энергичным лицом, он располагал к себе. Случилось так, что с ним мне пришлось встречаться в разных ус-

…ость

Д. В. ПАВЛОВ,
бывший уполномоченный ГКО по продовольственному снабжению Ленинграда и Ленинградского фронта

ловиях, видеть и наблюдать, как он самоотверженно выполнял свой долг.

...В ноябре совсем мало оставалось продовольствия в Ленинграде, а имеющиеся в Новой Ладоге небольшие запасы муки, мяса, жиров перевезти через озеро в это время года было очень трудно. Наступили дни, когда через Ладожское нельзя было перебраться ни на санях, ни на пароходе. Единственным видом транспорта, который мог доставлять грузы независимо от состояния льда на озере, были самолеты, но их в распоряжении фронта имелось мало.

Военный Совет обратился в ГКО с просьбой выделить транспортные самолеты для завоза продуктов питания. Вскоре в Ленинград прилетел генерал-полковник авиации Ф. А. Астахов. В кабинете секретаря Ленинградского горкома партии А. А. Кузнецова состоялось совещание. Астахов доложил, что он получил указание Сталина выделить самолеты для завоза продовольствия в Ленинград. Необходимо определить аэродромы, обеспечить их защиту, а также предусмотреть прикрытие транспортных кораблей истребителями. Было решено завозить продовольствие с Новой Ладоги, Хвойной и с Кушевер на аэродром Смольный. А отсюда вывозить людей на «Большую землю». На начальника тыла фронта возложили руководство погрузочно-разгрузочными работами, приемкой продовольствия, горючего, а также учет поступающих грузов.

По окончании совещания в кабинете остались Астахов, Кузнецов, Попков и я. Алексей Александрович спросил Астахова, на какое количество самолетов можно рассчитывать и с какого дня начнется завоз. Федор Алексеевич ответил, что бои идут от Белого до Черного моря, в транспортной авиации остро нуждаются все фронты, но, зная, какое внимание Ставка уделяет Ленинградскому фронту, он постарается выделить максимальное количество самолетов в самые ближайшие дни. Быстрая реакция Верховного Главнокомандования на просьбу Военного Совета фронта, приезд Астахова и его обещание оказать всемерную помощь подняли настроение у руководителей города.

С шестнадцатого ноября началась массовая переброска продовольствия с Новой Ладоги и других аэродромов в Ленинград. Короткие дни ноября ограничивали оборачиваемость самолетов. Снабжение же населения мясопродуктами зависело только от завоза. Каждая тонна мяса, масла сохраняла жизнь многим людям. Начальник тыла фронта Ф. Н. Лагунов и я решили переговорить с летчиками — нельзя ли увеличить число рейсов машин, доставляющих продовольствие.

На аэродроме Смольный, на открытой площадке, поздно вечером состоялась наша встреча. Рассказав, какие трудности испытывает население из-за нехватки продовольствия, мы спросили, можно ли увеличить число рейсов.

— Можно,— громко и уверенно сказал один из летчиков и, подойдя ближе к нам, добавил: — Надо только загрузку самолетов проводить быстрее, скажем, за двадцать минут вместо сорока, а то и часа.— В говорившем я узнал А. Д. Калину.

— Правильно! — раздались голоса собравшихся.

Вперед вышел широкоплечий летчик:

— Я вот что хочу добавить к тому, что сказал старший лейтенант: вместо двух тонн мяса мы привозим полторы или того меньше, потому что туши плотно не уложить, а если использовать полную грузоподъемность каждого корабля, то можно привозить продуктов на несколько тонн больше.

Летчики говорили коротко, сухо. И никто не посетовал на то, как опасно летать через Ладогу. Они знали, что каждым своим полетом помогают защитникам города. Беседа была полезной, получилось так, что не мы летчикам, а они нам поставили задачу. Их предложения хотелось как можно скорее осуществить. И нам это удалось сделать. Самолеты стали загружать мясом в блоках (прессованным). Каждый блок весил двадцать килограммов, что позволяло загружать корабли до полной их грузоподъемности в течение нескольких минут. Генерал Лагунов установил время: загрузка — двадцать минут, разгрузка — десять, и эти жесткие нормы выдерживались. Летчики, как и обещали, стали совершать три-четыре рейса, а иногда и больше. Особенно отличалось звено самолетов, возглавляемое А. Д. Калиной. Он не считался с опасностью, не знал усталости.

Перевозка продуктов самолетами была дорогой мерой: транспортная авиация отвлекалась от доставки грузов фронтам, расходовались тысячи тонн горючего, самолетный парк нес потери в боях. Все это верно, но верно и то, что воздушные корабли спасли тысячи жизней. Люди, пережившие блокаду, никогда не забудут мужества, храбрости и изобретательности летчиков транспортной авиации.

В один из декабрьских дней мне передали, что самолет, пилотируемый Сашей Калиной, сбит вражеским истребителем над озером. Весть печальная. Как это случилось, выяснить не удалось.

...Прошло много лет после войны. Я работал в Министерстве торговли. Однажды к концу рабочего дня мне сказали, что меня хочет видеть летчик Калина. Как молния мелькнула мысль: неужели это тот самый неустрашимый человек, совершавший рекордное число рейсов через Ладожское озеро, доставлявший продовольствие в Ленинград? Но ведь он погиб!

В кабинет вошел крепкого сложения мужчина в штатском костюме, на груди светилась Золотая Звезда Героя Советского Союза. Да, это был он — Александр Данилович Калина. Спокойное, энергичное лицо, карие глаза.

— Я ненадолго, сегодня исполнилось тридцать лет, как мы впервые встретились в полете над Ладогой, захотелось поговорить, вспомнить прошлое,— сказал, немного смущаясь, Калина.

— Нет, дорогой Александр Данилович, я вас не отпущу, спасибо, что зашли. Садитесь поудобнее и расскажите обо всем, что произошло в декабре сорок первого. Ведь вас считали погибшим.

И вот что он мне поведал:

— В декабре я получил приказание вылететь в Кушеверы и привезти оттуда специальный груз для моряков. Рано утром, усадив истощенных детей и женщин в самолет, я поднялся с аэродрома Смольный в воздух, погода была благоприятная. Летел без сопровождения. Неожиданно меня атаковал истребитель. Стрелок моего корабля принял приближающийся вражеский самолет за наш и поздно открыл огонь. Противник успел дать выстрел — пушечный снаряд повредил лопасть воздушного винта и перебил один из тросов управления. Прижав самолет к воде, я дотянул до ближайшего аэродрома. Женщин и детей, слабых и перепуганных, мы вынесли из самолета на руках. В Ленинград вернуться мне не пришлось, так как получил новое срочное задание. Это, видимо, и дало повод считать меня погибшим.

Я же с группой летчиков доставлял по ночам боеприпасы, горючее, продовольствие гвардейскому корпусу генерала Белова, действовавшему в тылу врага на Западном фронте. Гвардейцам удалось захватить шестиствольный миномет противника и укрыть его в лесу возле деревни Хмельники, в 25—30 километрах южнее Вязьмы. Командование поставило задачу — вывезти миномет и доставить его в Москву. Шестиствольный миномет в то время был новым и опасным оружием. Ряд попыток вывезти трофей окончился неудачей. Мой экипаж состоял из комсомольцев, и про себя мы решили во что бы то ни стало доставить миномет в распоряжение командования. В одну из февральских ночей перелетели линию фронта и сели на заранее намеченной поляне. Нас встретили бойцы гвардейского корпуса, помогли погрузить миномет, пульт управления и две боевые мины. Гвардейцы попросили взять десять тяжелораненых бойцов и доставить их в госпиталь. Это не входило в наши расчеты, но не взять раненых мы не могли.

...Запустили моторы, но взлететь оказалось невозможным из-за глубокого снега. Бойцы утаптывали снег, время шло, приближался рассвет, теперь противнику легче нас обнаружить. Высадить раненых, чтобы уменьшить вес корабля,— бесчеловечно. Веду машину по протоптанной полосе: вперед — назад, вперед — назад и так несколько раз. Колеса утрамбовывали снег, и под тяжестью корабля дорожка затвердела. Принимаю решение идти на подъем. Держусь строго: уйдешь чуть в сторону, и можно зарыться в снег, тогда все пропало. Оторвались с трудом, в предрассветной мгле перелетели линию фронта и благополучно вернулись на свою базу. Мы радовались, что выполнили взятое обязательство — доставили миномет! Неоднократно летал я в глубокий тыл противника, обеспечивая партизан оружием, боеприпасами, продовольствием.

— Ну, а потом как сложилась ваша судьба? — спросил я, увлеченный его рассказом.

— После войны я посвятил себя летно-испытательной работе. Вот уже более двадцати лет испытываю новые корабли. Однажды в полете при испытании реактивного самолета заело управление рулями высоты: ни вниз, ни вверх, только по прямой летит корабль. В таких случаях надо катапультироваться, но оставить машину, обладающую превосходными техническими данными, погубить ее, не выяснив причин неисправности, для нас, испытателей, равносильно дезертирству. Проверяю каждую деталь, одновременно наблюдаю за приборами и наличием горючего в баках. Время бежит, опасность возрастает. Наконец я нашел скрытый дефект и с большим трудом наладил управление. Великолепная машина была спасена.

— В годы войны вы много летали, выполняя различные задания командования. Какое же событие вам больше всего памятно? — спросил я летчика.

— Пожалуй, полеты через Ладожское озеро самые памятные. Доставка продовольствия в осажденный Ленинград, вывоз оттуда едва-едва стоящих на ногах детишек и женщин на «Большую землю» — это незабываемо!

Поговорив о прошлом и настоящем, мы тепло попрощались.

После ухода летчика я долго думал, сколько подвигов совершил этот скромный человек, сколько раз он смотрел смерти в глаза при полетах в тыл врага или через Ладогу в Ленинград... Нет, не судьба предопределила удачи этого человека, а его стойкость.

...Есть деревья, которые сохраняют листву и после морозов. Так и Александр Данилович. Несмотря на годы, жизненные бури, он сохранил пыл души, любовь к труду, дерзаниям, смелость и отвагу.

СХВАТКА В НОЧИ

И. СТРЕЛЬБИЦКИЙ

В годы Великой Отечественной войны генерал И. С. Стрельбицкий командовал артиллерией 2-й гвардейской армии. В ее рядах сражался с фашистами и молодой лейтенант, будущий известный советский поэт Эдуард Асадов. Сегодня генерал-лейтенант артиллерии в отставке И. С. Стрельбицкий рассказывает об одном боевом эпизоде, участником которого был Э. Асадов.

Гвардии лейтенант Э. Асадов, 1943 год.

Июль, 1943 год. Командир дивизиона артполка капитан Мизяков встретил Эдуарда Асадова без всяких формальностей, приветливо и дружелюбно. И после небольшой беседы сказал:

— Вакантной должности комвзвода или комбата у меня сейчас нет. Назначу вас начальником связи дивизиона.

— Но я же огневик,— пытался возразить лейтенант,— и с разными там проводами-морзянками почти не имел дела.

— Ничего, народ там у нас опытный и знающий, любого научат.

В это время в хату вошел красивый, смуглый старший лейтенант с орденом Красной Звезды на груди.

— Вот, рекомендую,— широко улыбнулся Мизяков,— Борис Багратуни, собственной персоной. Можно сказать, самый боевой комбат в нашем дивизионе.

Поговорили о Москве, о фронтовой обстановке. Затем Асадов и Багратуни вышли из штаба на сельскую улочку. Прощаясь, Багратуни сказал:

— Фашисты в станице Крымская — рукой подать.

...Комдив капитан Мизяков приехал на КП к полуночи. Спросил:

— Связь с огневыми есть?

— Есть! — в один голос ответили связисты.

А лейтенант Асадов сказал:

— Багратуни сообщил, что батарея его к бою готова! Ждет только данных для стрельбы и времени залпа.

— Соедините меня с Багратуни,— пробасил Мизяков, доставая из кармана пакет.

И тут случилось непредвиденное: связь с батареей Багратуни, все время работавшая четко и безотказно, неожиданно оборвалась.

— Терек, Терек! Я — Байкал! Терек! Я — Байкал! — надрывался в трубку связист. «Терек» по-прежнему молчал. Прошло томительных пять, десять, пятнадцать минут.

— Так,— не глядя ни на кого, сурово и с нажимом произнес комдив.— Интересная ситуация.

Асадов быстро шагнул к капитану:

— Товарищ гвардии капитан, во сколько залп?

— В три сорок пять,— хмуро ответил Мизяков.

— Разрешите, я сам доставлю данные Багратуни. Тут же всего километра два. Мой ординарец дорогу знает.

— Правильно,— прогудел капитан.— Это единственный выход. Кровь из носа, но чтоб были вовремя у Багратуни.

Когда вышли из землянки, то в первую минуту даже не знали, куда шагнуть. Темнота обступала сплошной стеной. Ни луны, ни единой звездочки. Низкие, густые облака и черная, непроглядная ночь. Только дрожащие всполохи ракет над передним краем по временам чуточку рассеивали этот мрак. Идти нужно было полем, почти без дорог, пересекая глубокие балки, цепляться за чахлый кустарник, то спускаясь, то карабкаясь вверх по крутому склону. Батарея Багратуни находилась неподалеку от шоссе, в третьей по счету балке от КП дивизиона. Иван Иванович, ординарец, сказал:

— Товарищ лейтенант, шагать по всем этим оврагам нет смысла. И дорогу потеряем и ноги все вывернем. Да и проканителимся неизвестно сколько. Если не возражаете, пойдемте вдоль этой балки до самого конца. Пройдем по тропе мимо всех оврагов поверху, а потом снова направо в третью балку, и вот она — батарея Багратуни. Доберемся за час, не больше.

Асадов согласился.

Но добраться до тропы оказалось не так-то просто. Шли долго, продираясь сквозь какие-то кусты и проваливаясь в воронки. Наконец шагавший впереди Иван Иванович радостно прошептал:

— Стою на тропе. Теперь доберемся мигом.

Пошли осторожно, почти на ощупь. Минуло полчаса, потом час, а ожидаемого полуразрушенного шалаша бахчевого сторожа все не было. Тропа то исчезала, то появлялась вновь и, наконец, пропала окончательно. Под ногами была сухая, каменистая земля.

Лейтенант сухо спросил:

— Вы действительно знаете дорогу, Померанцев?

Тот смущенно откликнулся:

— Да, идем вроде правильно.

И действительно, через несколько шагов начался пологий спуск. Спустились на дно оврага, прошли тридцать метров, пятьдесят, но никаких признаков жизни, никакой батареи не было. Под ногами захлюпала вода.

Асадов мрачно сказал:

— Балка какая-то странная, узкая, тут и машине-то не развернуться ни за что. Не может быть, чтоб эта была та самая третья балка.

С трудом выбрались наверх.

Шагов через двадцать произошло неожиданное. Хриплый и резкий голос произнес тихо, почти шепотом:

— Хальт!

Мгновенно и молча, как две тени, упали они на землю, укрывшись за небольшим гранитным валуном. Другой голос на ломаном русском языке спросил:

— Кто есть там? Быстро себя назови, не то будет конец.

Лейтенант выхватил из кобуры пистолет «ТТ», а Иван Иванович взвел затвор автомата.

— Стрелять?— прошептал.

— Дай коротккую...

В ответ раздалось сразу несколько длинных автоматных очередей. Пули, ударяясь о гранит валуна, с визгом рикошетили в стороны.

— Гранаты у тебя есть?— бросил Померанцеву Асадов.

— Одна, противотанковая.

— Ничего, давай. Запал вставлен?

— А как же, обязательно.

— Тогда вот что: гранату — мне, а сам лежи тут и отвечай отдельными выстрелами и короткими очередями. Патроны береги. Услышишь взрыв — лети кубарем к балке, а оттуда на КП, меня не жди.

Взяв гранату и дождавшись, когда погаснет очередная ракета над передним краем, лейтенант пополз вперед. Пистолет Асадов сунул в карман, гранату зажал в левой руке. Балка стала загибаться вправо. Еще несколько метров, и по звукам перестрелки он понял, что обошел врагов.

Над передовой взлетела ракета. Холодным, мертвенным светом вспыхнула местность. Асадов быстро поднял голову; увидел впереди серую ленту шоссе, а невдалеке в глубокой бомбовой воронке несколько лежащих темных фигур фашистов. Сколько их — трое или четверо? Разглядеть не успел. Опытным глазом артиллериста засек расстояние — метров 15—17, не меньше. Граната одна, и промахнуться нельзя.

Лейтенант коротко размахнулся, бросил гранату и плотно прижался к земле. Взрыв был оглушительным. Ударная волна сорвала пилотку и больно хлестнула по ушам. На спину посыпались комья земли, песок. Послышался чей-то хриплый, протяжный стон... и тишина... Напряженная, тревожная, глухая.

Выждав минуту, лейтенант пополз назад. Затем вскочив, в несколько прыжков достиг гранитного валуна. Померанцева не было. Значит, жив и успел отойти. Где-то далеко позади заработал пулемет. Ему ответили автоматные очереди. Началась перестрелка. Теперь, не теряя ни минуты, быстро добежать до оврага... Вот и он. С разбега чуть не полетел головой вниз. Цепляясь за кусты и спотыкаясь о какие-то камни, спустился на дно. В нескольких шагах—прерывистое дыхание.

— Померанцев, ты?

— Я, товарищ гвардии лейтенант!

— Почему ты здесь? Приказ же был меня не ждать.

— Так то приказ, а то живой человек. Решил, подожду еще минут пять.

Через несколько минут они сидели в землянке командира батареи. Улыбаясь, Багратуни говорил:

— Передовая отсюда напрямую — метров 600—700. А тут произошло, я думаю, вот что: немцы ведь тоже не совсем дураки. Почувствовали, что у нас что-то затевается, и заерзали. В таких случаях они где только можно суют пластунов.

А вы им здорово прикурить дали. Молодцы. Сегодня вечером одному моему часовому автоматной очередью плечо прошило, а мы не поймем откуда. Теперь ясно... А тебе, Эдуард, еще раз спасибо!

Залп по переднему краю врага прогремел вовремя.

Поэт Эдуард Асадов и генерал-лейтенант И. С. Стрельбицкий.

Фото В. Лычагина

Микола **ИЩЕНКО**

Рисунок А. ЛУРЬЕ

ОТЗВУКИ СЛОВА

Экспрессы почему-то напоминают мне эшелоны военных лет. Это сравнение приходит в голову всегда, когда пассажирский, взвихрив вишневую заметель весной или снеговую вьюгу зимой, промчится возле станции с незнакомой надписью на фронтоне каменного строения. Я вижу людей на перронах — в будничном ритме они снуют от магазинчиков к своим затопленным буйной яблоневой и картофельной зеленью усадьбам. Это не пассажиры, а жители железнодорожных станций и разъездов. Некоторые выходят на перроны к тому времени, когда здесь должны промчаться экспрессы, чтоб взмахнуть рукой вслед вагонам и, увидев в окне улыбку, тоже улыбнуться в ответ. Мне жаль тех людей, возле чьих жилищ не останавливаются поезда: кажется, словно жизнь мчится, не затрагивая их... Однако нет. Через окно экспресса я вижу свадебные пары, маленьких Ванечек и Оксанок, их озабоченных матерей и отцов, утихомиренных годами дедушек и бабушек. И потому мне, наверное, больше жаль себя, что не ступил ногой еще на один лоскуток своей земли. С годами отвыкаю удивляться, какая же она большая! Лишь когда сажусь в экспресс зарубежной европейской страны, чтобы пересечь ее вдоль или поперек, и не нахожу порой в ночном вагоне спального места, в представлении возникают просторы моей земли.

И вспоминается осень военного 1944 года. Нас, уже обученных в полковой школе красноармейцев, из глубины России везут на запад страны. А возможно, и просто на фронт — там много фронтов: четыре Украинских и три Белорусских. Мысленно мы уже сотню раз проложили свой маршрут на карте европейской части Союза. Кажется, сомнения не может быть: наш воинский эшелон непременно должен пройти через родные места. Если не через Райгород мимо Шевченко, то хотя бы через Черкассы. Хотим спросить об этом у командира взвода, в котором служит Виктор Чекаль,— лейтенанта Кузьмина. Он знает все. Например, когда предложат нам в окопах пайку спиртного, наркомовскую норму — сто граммов, лейтенант объяснит: «Ребята, вы должны знать, что эта химера чересчур завлекательна при употреблении и очень коварна на похмелье». И почти все мы откажемся от ста граммов.

Но на этот раз лейтенант Кузьмин не укрепит нас в убеждении, что поезд будет идти через наши места. И один из нас с болью в голосе скажет:

— А я написал домой, что будем ехать... Может, и встречать будут.

Мы, совестью переборов радость, придираемся:

— Как ты смел?

— Это же военная тайна!

— За это, знаешь, что бывает?

— Я не выдавал тайны,— с обидой на самого себя отвечает наш красноталовский однокашник.— Просто высказал свои предположения о маршруте.

Мы успокаиваемся: товарищ не изменил воинскому уставу. И что, возможно, на станции Райгород увидим кого-нибудь из своих — мать, сестру. А может быть, и невесту. Но невесты есть не у всех. Собственно говоря, невест нет ни у кого. Потому что нам еще и сегодня, в эшелоне, который следует к фронтам, не всем минуло восемнадцать. Есть просто знакомые девчата, с которыми красноармейцы переписываются.

Мы все теперь в нетерпении прочитываем надписи на разбомбленных войной станциях и разъездах, считаем часы и прикидываем, когда эшелон доберется до Райгорода.

Будут проходить дни. На узловых станциях нас будут ставить на запасные колеи и в тупики. На остановках и просто на перегонах мы будем переговариваться с маршевиками из других команд:

— Куда, ребята?

— Вперед, на запад.

— А вы куда?

— Вперед, на запад.

Наши эшелоны проходят навстречу друг другу: в годы Великой Отечественной понятие «вперед, на запад» наполнялось очень широким содержанием. Запад — это все наши советские фронты.

На станции Знаменка вот так переговорили отец с сыном: составы маневрировали, и когда наш поезд остановился, то Петр уже не увидел в гуще эшелонов отцовского. И мы не могли ничем помочь Петру: отстать от части — дезертирство. Только до сих пор в памяти у меня:

— Петя!

— Папа!

А перед глазами — перегнувшиеся через брусья, которые делили пополам дверные проемы в теплушках двух встречных вагонов, фигуры отца и сына.

— До свидания, папа!

— Проща-а-ай,— стоном отозвалось отцово.

Они так и не рассказали никому из родных и близких об этой своей последней встрече. В Красноталовку пришли на них «похоронки».

Через станцию Райгород мы ехали темной предрассветной порой. Ветер, задувая в щели, выстудил теплушку, а может, это мы стучали зубами от двухнедельного перенапряжения. Однако той ночью мы совсем не сомкнули глаз. Миновали затемненную Каменку, увидели два или три тополя, что остались от рощи возле Райгорода. До войны тут белел стенами роскошный вокзал, а уже как провожали нас в армию, слева от кирпичных руин был закопан товарный вагон и на нем было написано нетвердыми буквами: «Ст. Райгород». Мы, красноталовские, искали глазами то приземистое сооружение. И, почувствовав, что машинист не имеет намерения сдержать разгон паровоза, закричали:

— Мама!

— Надя!

Глава из книги «Солнце в окнах».

— Еленка!
— Это я, Рачок!
— Я, Голобородый!
— Мама, это я, Николай!

Из приземистой теплушки выбежало несколько фигур. В немом непонимании те пассажиры провожали взглядами сонный состав, что разбросал во все стороны требовательно-отчаянные выкрики. Уже и колеса последнего вагона простучали через стрелку, а мы все кричали. До тех пор, пока командиры отделений не зашикали:

— Прекратить безобразие! Тиш-ш-ш-е!..

Мы еще долго ехали мимо разрушенных станций и полустанков, увозя с собой разочарование. Но оно поблекло в сравнении с тем, что ожидало нас в конце маршрута: мы прибыли не на фронт, а в запасный полк.

Потянулись дни, однообразные своим учебным ритмом. На нашу полевую почту стали приходить первые письма. «А мы все ждали три, а кто и четыре или пять дней в Райгороде,— писали кому-то Елена или Надежда.— Морозы ударили. Тетка Харита приморозила ноги. Мы то и дело выбегали к эшелонам, звали вас. Не все и пообувались, потому что было тепло, когда сообщили, что будут везти вас через Райгород... Но мы все равно ждали бы. Да один майор, когда тетка Горпина рассказала ему откуда и кого мы встречаем, отрубил: «Из Инзы здесь ехать не будут. И не ждите». Сердитый почему-то был. Вот мы и разошлись по домам...»

Уже после войны я понял причину гнева бдительного майора...

Дядя Савва пришел встречать меня. Обедали, выпили по чарке.

— А я ведь говорил тебе, Харита, тогда, когда от Ивана не было письма, а Гришка Смовж написал, что не видел после боя Ивана: «Не плачь. Разве можно всех увидеть на фронте? Если бы убили, то писаря написали бы: пал смертью... Или как там...»

Уходят, как снег, годы. Каждый забирает у нас матерей. И, оплакивая их, самых дорогих на свете, мы, наученные нашими детьми, оплакиваем и свою вину перед родными: не написал письма или в письме написал лишнее, отобрал у них покой, ранил сердце...

Экспрессы теперь напоминают мне воинские эшелоны. Они мчат, не останавливаясь на малых станциях и разъездах. Им надо торопиться. Люди всегда торопятся, потому что время — это жизнь. И всегда наибольшей ценностью для государства останется время. Держава сильна временем. Она и расцветает и защищается им.

И когда из рабочих поездок я возвращаюсь в Киев через родные поля, в какую бы то ни было пору дня или ночи подхожу к вагонному окну и, взволнованный воспоминаниями, жадно обнимаю взглядом эти места. Помните, однополчане и неоднополчане, а только ровесники, призывники 1944 года, как вот эти двадцать километров от станции Райгород до станции Каменка провожали нас к военкомату матери? Все сдергивали с наших плеч набитые лепешками — и чем можно было в ту тяжелую весну набить — вещмешки. Это чтобы дольше было нам легко. Они и плакали тактично: только сердцем и глазами. Мы ведь шли на священное дело — защищать от фашиста человечество. И когда в предчувствии вечной разлуки с сыном голосила сильно какая-то из матерей, другая ее успокаивала:

— Не надо, не плачь. Зачем же печалить их, солдат?..

Поезд мчит возле вокзального дворца Райгорода. Вокруг ночное безмолвие. Последний вагон уже давно прогрохотал колесами через стрелку. А я слышу родные голоса:

— Михаил! Иван! Ефим! Это мы здесь. Отзовитесь...

И я схожу в Райгороде. Потому что есть поезда, которые останавливаются и здесь. У каждой станции, полустанка и разъезда есть свои поезда. Потому что нет человека, в памяти которого не звучал бы голос матери.

Перевел с украинского
Е. ОЛЕЙНИК.

ОТВАЖНЫЙ КОМАНДАРМ

Выступая 14 мая 1971 года в Тбилиси на торжественном заседании, посвященном 50-летию образования Грузинской Советской Социалистической Республики и Коммунистической партии Грузии, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев сказал: «Мне довелось воевать вместе с одним из талантливых советских полководцев — командующим 18-й армией генерал-полковником К. Н. Леселидзе. На фронте люди раскрываются быстро, там сразу узнаешь, кто чего стоит. Константин Леселидзе запомнился мне как олицетворение лучших национальных черт грузинского народа. Это был жизнелюб и храбрец, суровый к врагам и щедрый к друзьям, человек чести, человек слова, человек острого ума и горячего сердца».

Ему, прославленному советскому военачальнику Великой Отечественной войны, посвящена недавно вышедшая в свет книга Михаила Давиташвили «Леселидзе». Автор близко знал героя, встречался с его соратниками. В книге он рассказывает о жизни полководца, знакомит с семьей и средой, в которой вырос достойный сын Отечества, показывает славный боевой путь выдающегося генерала. Труд богато иллюстрирован фотографиями, для его написания автор использовал архивные документы.

Выходец из трудовой семьи, Константин Николаевич Леселидзе успешно окончил военную школу. Еще до войны командовал полком, затем дивизией. В начале Великой Отечественной войны он возглавлял артиллерию 2-го стрелкового корпуса. В первых же сражениях с немецко-фашистскими захватчиками артиллеристы Леселидзе прославились замечательной отвагой, мастерством, а их начальник — умелым руководством боем. В августе 1942 года генерал Леселидзе возглавил 46-ю армию Закавказского фронта. Железной стеной она встала на пути врага и прочно закрыла путь фашистским полчищам на перевалах Кавкасиони.

Славной страницей в жизни Константина Николаевича было командование 18-й десантной армией. Ее бойцы стойко сражались с немецко-фашистскими захватчиками под Новороссийском. Хорошо известны их мужество и отвага при защите «Малой земли».

«В те памятные дни, — говорил товарищ Л. И. Брежнев при вручении городу-герою Новороссийску ордена Ленина и медали «Золотая Звезда», — все наши мысли и чувства были обращены к Родине, к нашей великой партии. Сотни и тысячи малоземельцев стали коммунистами.

...Подвиг здесь был нормой жизни, нормой повседневного поведения».

Героические боевые дела были умножены воинами 18-й армии и в других сражениях: они выбили гитлеровские войска из Анапы и Тамани, осуществили героический десант на Эльтиген, сыгравший большую роль в освобождении Керченского полуострова.

В начале 1944 года войска 18-й армии приняли участие в битве за освобождение Правобережной Украины: они успешно громили врага под Коростенем, Житомиром, Бердичевом. Но Леселидзе тяжело заболел, был доставлен с фронта в Москву и 21 февраля на 41-м году жизни скончался.

Жизнь этого видного военачальника, говорится в книге, так же как и жизнь его братьев — Давида, Виктора, Валериана, — прекрасная и волнующая песня о людях, сражавшихся за Родину. Из четырех братьев Леселидзе, ушедших на фронт в 1941 году, трое не вернулись с поля боя; двум из них — Константину и Виктору — присвоено звание Героя Советского Союза.

В. МАЦУЛЕНКО,
профессор, доктор исторических наук,
генерал-майор

Михаил Давиташвили. Леселидзе, изд. «Мерани». Тбилиси, 1975, 304 стр.

ВОЗРОЖДЕННАЯ БАТАРЕЯ

В Геленджике рядом с историко-краеведческим музеем находится мемориальный комплекс «Батарея капитана Зубкова». Четыре мощных орудия, дальномер, командный пункт, капониры, погреба для хранения боеприпасов... Кажется, все так, как было в августе сорок первого. И все же художники и рабочие, восстанавливавшие батарею, волновались: а вдруг что-то не так?

На открытие комплекса приезжали бывшие командир батареи А. Э. Зубков, командир первого орудия П. А. Репин, старшина пулеметной группы И. Т. Репченко, пулеметчик М. С. Землянухин, командир огневого взвода В. Д. Полушин и многие другие артиллеристы. Поседели ветераны, постарели, но стоило им оказаться у своих орудий — будто сдуло жарким черноморским ветром тридцать с лишним лет! Они поглаживали стволы орудий, ощупывали царапины на щитах, поглядывали в дальномер, прикидывали сектор обстрела...

Как ни изменились эти места, наводчики тут же заметили главный ориентир — Пинайский маяк, до него всего триста метров. Совсем рядом Новороссийск: с горы хорошо просматриваются и город и бухта. Город, конечно, не узнать — тридцать три года назад на этом месте были развалины. А вот бухта та же.

— Задача у нас была довольно сложная, — вспоминал А. Э. Зубков. — Орудия должны были прикрывать Новороссийск и с моря и с суши. Первый залп по колонне фашистских танков мы дали 22 августа 1942 года. С этого дня пушки не умолкали ни днем, ни ночью. За одну минуту мы выпускали по врагу тонну смертоносного металла. А всего израсходовали двенадцать тысяч снарядов. Позже стали известны результаты нашей стрельбы: батарея подавила более ста пятидесяти орудий противника, уничтожила пять и повредила семь танков, сбила пять самолетов, взорвала два склада с боеприпасами и вывела из строя две с лишним тысячи вражеских солдат и офицеров. А в Цемесскую бухту мы не дали войти ни одному гитлеровскому судну. Кроме того, наши пушки поддерживали высадку десанта на «Малую землю», да и позже, по первой просьбе «малоземельцев», подбрасывали «огонька». Нам, само собой, тоже доставалось. Только за один день девятнадцатого апреля 1943 года на батарею было совершено тридцать девять налетов фашистской авиации. Батарейцы падали, сраженные осколками, задыхались от пороховых газов, изнемогали от жажды, но оставшиеся в живых вели огонь. Сейчас в это трудно поверить, но люди выдерживали то, чего не могло выдержать железо: вот у этого орудия номер четыре дважды меняли ствол и трижды — броневой щит.

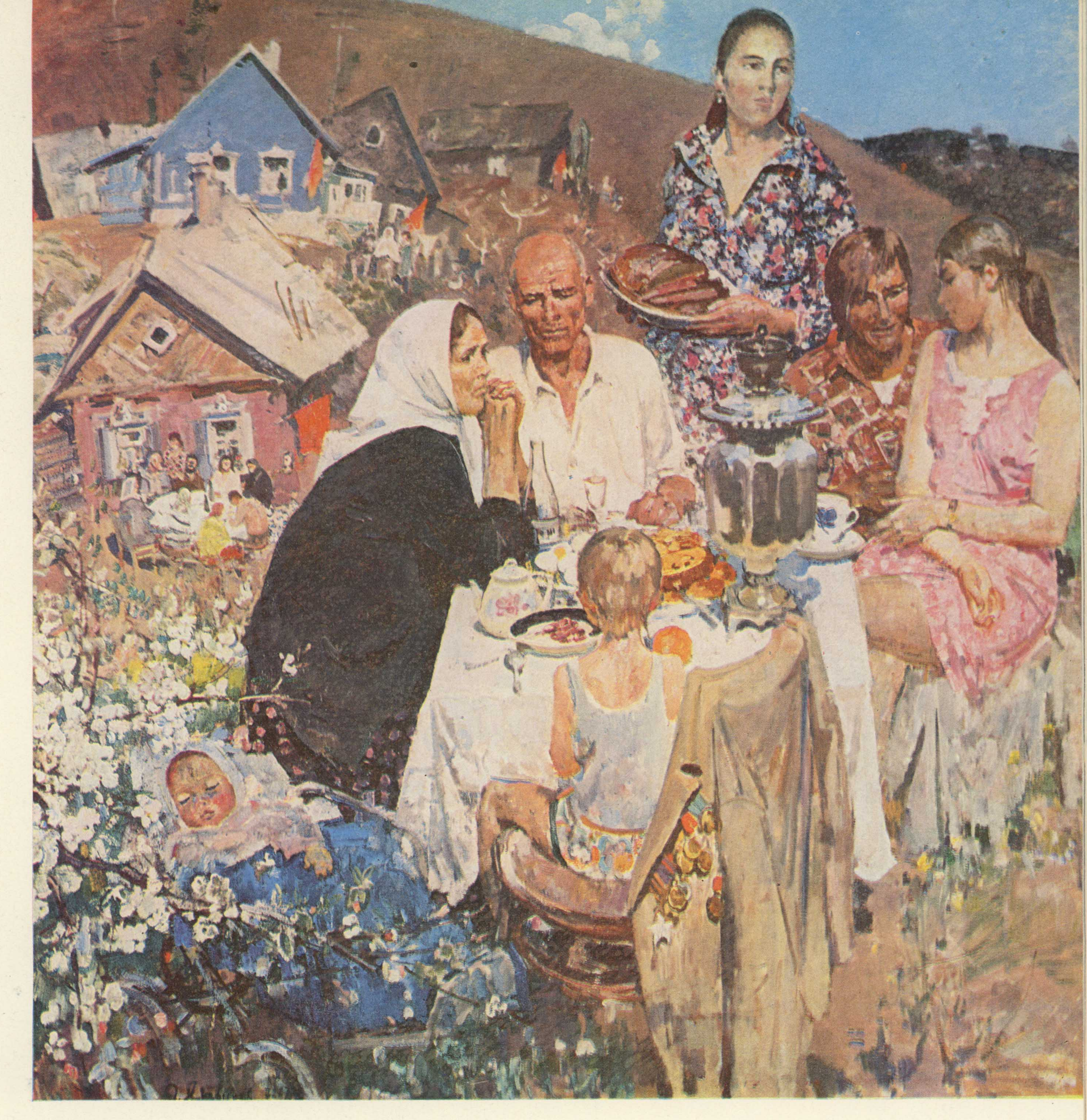
16 сентября 1943 года батарея послала последний снаряд по отходящему от Новороссийска противнику.

По-разному сложились в дальнейшем боевые пути батарейцев. Не все дожили до победы. Но живые навсегда запомнили позицию у Пинайского маяка. Именно поэтому на открытие мемориального комплекса со всех концов страны съехались «зубковцы».

В. ФЕДОТОВ,
заместитель редактора
геленджикской городской газеты «Прибой»

Ветераны батареи на экскурсии в Новороссийске. Третий слева — А. Э. Зубков.
Фото К. Пацюка

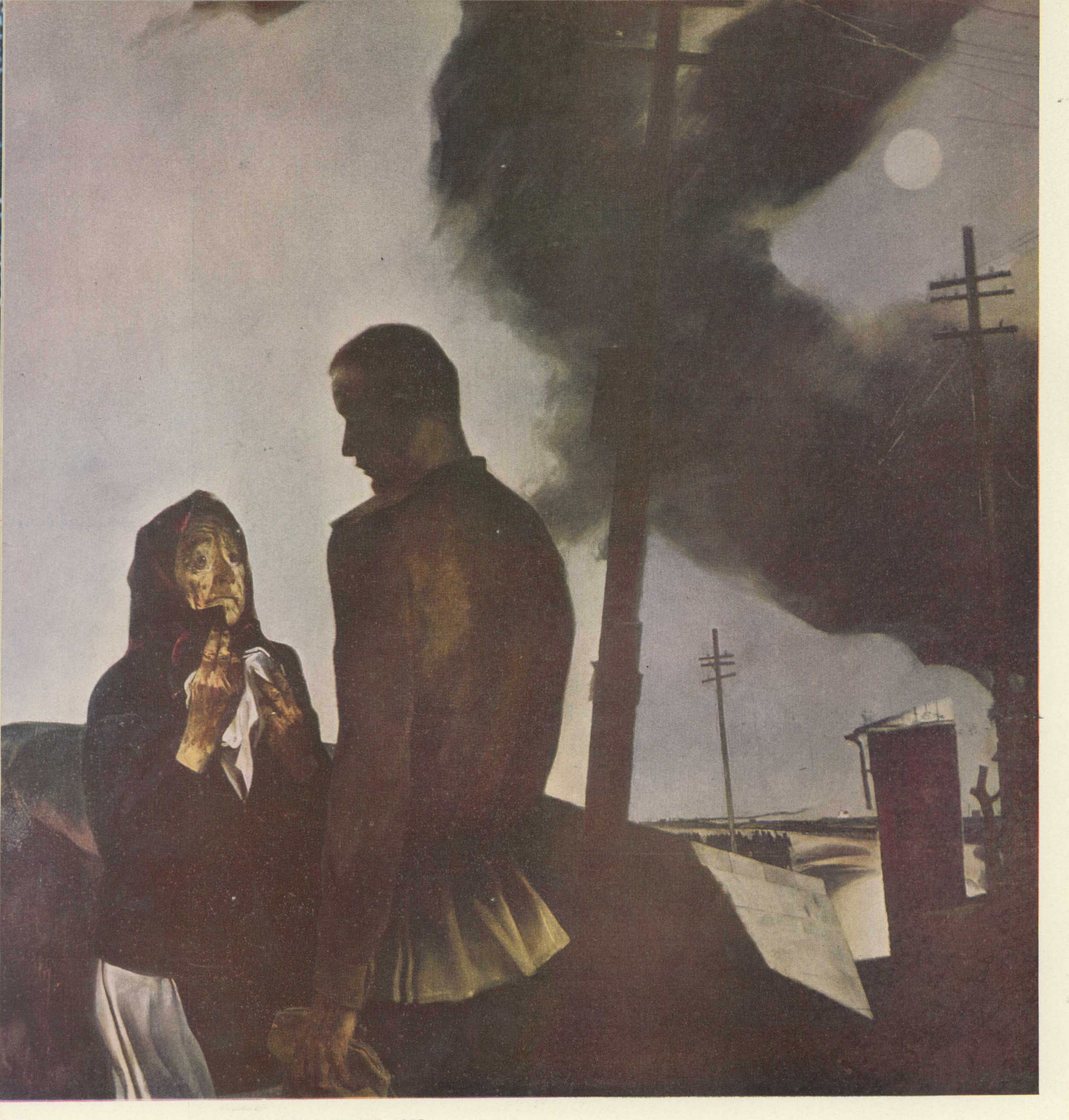

Г. Савинов. Род. 1915. ДЕНЬ ПОБЕДЫ. 1972—1975.

А. Лопухов. Род. 1925. ПОБЕДА. 1974—1975.

А. Мыльников. Род. 1919. ПРОЩАНИЕ. 1975.

Из фронтовой тетради

Анатолий КАЛИНИН

●

Саше

Как будто с мегагерцами
Приходит позывной,
Когда стучится в сердце
Тот номер фронтовой.
И, словно медь фанфарная,
Опять на твой порог
Зовут, родная армия,
Ростов и Таганрог,
Высоты обожженные
И, явно ж неспроста,
С названием Соленая
Меж ними высота.
И в памяти нетленная
Товарищей семья:
Редакция военная,
Армейская, твоя.
И вот уже воочию
Я вижу тут как тут
Бессонный твой рокочущий
Ночами «ундервуд».
Бывало, вся редакция
Стояла чередой,
Диктуя «информации»
Тебе с передовой.
И тем вражду я прочную
Друзей своих снискал,
Что я тебе не в очередь
Заметки диктовал.
Но тем сильнее жжение
На сердце этих строк,
Взывающих к сражению
За город Таганрог.

●

С колоса тяжелого роса
Медленно стекает, как слеза...
Мне она напомнила другое
Тоже золотисто-золотое,
Зрелостью июльской налитое,
Поле, окровавленное боем,
Чем-то изумленные глаза,
В небо устремленные незряче;
И надломленный над ними в плаче
Колос, слезы секущий упорно —
Красные, отборные, как зерна.

●

Николаю Маркевичу,
военному корреспонденту
«Комсомольской правды»

Еще на лестнице в редакции
Его не замерли шаги,
А ты уже спешишь, ротация,
Размножить эту информацию,
В свинец отлитую: «Погиб».
И нет надежды, что Бурков[1]
В ответ рыдающим девчатам
Пошлет на завтра «опечатку»
Рукой дрожащей в машбюро.
А рядом, в том же самом номере,
Статья, короткая до слез,
Которую с аэродрома
Еще вчера курьер привез.
Как строчки пулеметной ленты,
Те строчки в запахе сосны:
«От вашего корреспондента
Из партизанской стороны».
Кабина «дугласа», в пожаре
Теряющего высоту,
И сердце, сжатое в ударе,
Простреленное на лету.
В крови в кармане гимнастерки
Осколки вечного пера,
В крови и он, блокнот потертый,
Со строчкой, начатой вчера.
Еще на лестнице в редакции
Его не замерли шаги,
А ты уже спешишь, ротация,
Размножить эту информацию,
Необратимую: «Погиб».

[1] Б. С. Бурков — редактор «Комсомольской правды» в годы войны.

●

Не застольною песней
Скреплена наша дружба,
И не брагой она скреплена,
А оружием.

Не в саду под черешнями
На лужайке взлелеяна,
А в окопе железною
Вьюгой овеяна.

Не весною тюльпанами
И не розами алыми,
А горячими ранами
На снегу расцветала.

И на службу суровую
Не клятвой нечаянной,
Не простою, а кровью
Солдатскою спаяна.

●

В воинском прокуренном вагоне
Напевал безногий мальчуган
Песенку солдатам утомленным
Новую под старенький баян.

Об одной он пел эвакуации
Голосом простуженным, как мог,
И о той воздушной операции,
Что его оставила без ног.

Что его оставила без мамы,
Потому что, бомбой поражен,
Сразу за Ростовом, за холмами,
Загорелся ихний эшелон.

Молча под шинелями запрятав
Раненные песнею сердца,
Слушали суровые солдаты
Этого безногого певца.

Слушали, глаза свои не пряча,
По дороге с фронта, в тишине,
Никогда не плакавшие, плача,
Песенку простую о войне.

●

Коль о любви подумать строго,
Она — не в роще соловьи
И не подкова у порога,
Она — страданье и тревога,
И бесконечная дорога,
И красный цвет моей крови.

●

Нет, это все-таки не просто
И не случайно с давних пор
Семья дельфинов, как дозор,
К судам выходит у Фороса.
И то, что в правилах игры
У них играть по самой кромке,
Где в море спрятались обломки
Подмытой штормами горы.
Но, ради бога, вы, дельфины,
На этой службе доброты
Держитесь дальше от машины,
Не преступайте вы черты,
Не попадайте под винты.

●

Тех, кто смотрит глазами тусклыми
На твою белизну как на грех,
Ты не слушай, пожалуйста, тех.
Падай, падай на землю русскую,
Молодой, ослепительный снег.
Невесомый такой, порхающий,
И с бубенчатым ветром вдвоем
Хороводы в степи затевающий
На моем на раздолье родном.
На поля, обнаженные с осени,
Упади, как лебяжий пух,
И укрой их зеленые озими
Одеялом, как ласковый друг.
Тех, кто смотрит глазами тусклыми
На твою белизну как на грех,
Ты не слушай, пожалуйста, тех.
Падай, падай на землю русскую,
Молодой, ослепительный снег.

●

Ночами особенно верится,
Пусть и покажется странным,—
По орбите моего сердца
Вращается мироздание,
И гулкие эти удары —
Не просто сердцебиение,
А это, когда радары
Принимают с планет сообщения.
А когда груди колыхание
Неожиданно учащается,
Значит, в моем мироздании
Что-то такое случается:
Беда на Большой Медведице,
А может, где-нибудь ближе...
И вот уже на моем сердце
Появляются встречные вспышки,
И бурные эти удары
Уже не сердцебиение,
А космических кораблей старты
Сквозь магнитное притяжение.

С ПОЕЗДОМ ДРУЖБЫ

8 мая — 31-я годовщина освобождения немецкого народа от гитлеровского фашизма. Накануне этой даты наш корреспондент встретился с посланцами первого на немецкой земле социалистического государства, гостившими в Москве.

Б. ЛАБУТИН

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА и автора

Гюнтер Зоммер, руководитель поезда дружбы.

«Давай знакомиться!»

Ветеран Фридрих Иорке в гостях у пионеров 660-й московской школы.

Четыре года работали рука об руку в Нахтерштедте Хельмут Гросс (справа) и Владимир Чеботарев.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Весеннее солнце играло на трубах оркестра. Показался состав, и грянул торжественный марш. Поезд номер 36 прибыл на Белорусский вокзал.

И вот первые шаги по московской земле и первое интервью.

— Меня зовут Маргит Эйхбаум, работаю медицинской сестрой в Зангерхаузене, округ Галле,— говорит молодая женщина в теплой белой шубе на плечах.

— Маргит, у нас в таких случаях говорят: напугаете весну!

— Да, да, я слышала это выражение. Я изучала русский в школе. Но мне казалось, здесь должно быть еще холодно!

— Как вы стали пассажиром поезда дружбы?

— Поездку организовала дирекция Мансфельдского горно-металлургического комбината имени Вильгельма Пика. А я заслужила право на билет в этот поезд, потому что вот уже шестнадцать лет, еще со школы, состою в Обществе германо-советской дружбы.

— Вы впервые в Москве. Представьте, если бы у вас был всего лишь один день, как бы его провели?

— Как, только один день? — В глазах моей собеседницы на секунду мелькнул испуг.— Ну, конечно же, пошла бы в Кремль и Третьяковскую галерею!

Мансфельд — старинный край горняков и металлургов. Ты славишься не только своими мастерами, но и богатыми революционными традициями. Это твои рабочие спасли от фашистских ищеек легендарное знамя Кривого Рога, символ единства пролетариата Германии и России. Это их руками на главной площади Эйслебена установлен памятник Ленину, вывезенный гитлеровцами в 1943 году из-под Ленинграда и предназначавшийся для переплавки в снаряды. А в Пушкине, где стоял памятник, возвышается скульптура Эрнста Тельмана — твой подарок Советской стране.

Слово Гюнтеру Зоммеру, секретарю районного комитета СЕПГ в Эйслебене и руководителю поезда дружбы:

— Комбинат — одно из крупнейших промышленных объединений республики, в нем около 20 предприятий и 20 тысяч рабочих. Большинство из них — члены Общества германо-советской дружбы. Каждый четвертый уже побывал в СССР!

Поезда дружбы у нас стали традицией. Каждый воспринимает такую поездку как награду и признание заслуг не только перед нашей страной, но и перед СССР. Первое путешествие состоялось десять лет назад, и теперь в нашем музее германо-советской дружбы стало тесно от сувениров, привезенных из Москвы, Ленинграда, Киева и Минска. Мы планируем не только расширить «географию» путешествий, но и организовать встречи на заводах Волгограда, Кривого Рога, Запорожья, где у нас тесные контакты.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

Медленно шагает по брусчатке площади невысокий, плечистый мужчина с сединой на висках. Вот сошлись стрелки часов на Спасской башне, и раздался бой ее курантов. Тридцать три года назад Фридрих Йорке, немецкий антифашист, впервые услышал позывные Московского радио и перезвон кремлевских курантов.

Он рассказывает о начале своего пути. В 1926 году 14-летним деревенским парнишкой впервые спустился в шахту. Она принадлежала акционерному обществу «Мансфельд». Тесная, душная штольня, в которой можно было пробираться только ползком. Тяжелая тележка с рудой и 13 часов ежедневного непосильного труда. Дома, в Виммельбурге, под Эйслебеном, его заработка ждали голодные братишки и сестренки: родители батрачили от зари до зари у деревенского богача, но не могли прокормить семью.

Вскоре Фридрих вступил в Коммунистический союз молодежи. На всю жизнь запомнил день, когда на одном из митингов перед ними выступал Эрнст Тельман — его слова дышали верой в победу пролетариата, единственного хозяина истории.

Фридрих Йорке был среди организаторов крупнейшей в истории Мансфельда забастовки, которая продолжалась два месяца.

В 1940 году молодого шахтера призвали на военную службу, при первом удобном случае он симулировал болезнь легких и через несколько месяцев вернулся домой, стал работать в столярной мастерской. А в 1943 году его отправили служить в оккупационных войсках в Бельгии. По ночам, тайком, Фридрих слушал голос Москвы. Утром сведения, почерпнутые из передач, сообщал своим надежным друзьям, которые, как и он, были уверены в неминуемом крахе нацистского рейха. Конец войны встретил под Касселем, в американском лагере для военнопленных. Когда в сорок пятом коммунист Фридрих Йорке вернулся в родной Виммельбург, земляки избрали его заместителем бургомистра и секретарем комитета КПГ.

Я спрашиваю о самом памятном в его жизни дне.

— Это был первый послевоенный Первомай в 1946 году. Я нес красное знамя во главе двухтысячной колонны, которую составило почти все население нашего городка. Столько праздничных улыбок на лицах людей Виммельбург не видел за свою историю. Для нас, коммунистов, это была особенная радость. Люди потянулись к новой жизни, они поверили в нас и в себя.

ДЕНЬ ТРЕТИЙ

Сотрудник «Машиноэкспорта» Валерий Филатов вместе с Владимиром Чеботаревым, инженером из института «ВНИИметмаш», принимали гостей — представителей завода легких металлов в Нахтерштедте Хельмута Гросса и Вальтера Хацога. Как и бывает при встрече старых друзей, вопросы сыпались один за другим. Где сейчас работает Хайнц Улич? Как дела у товарища Минасяна? Все ли в порядке с «семеркой»?

Улич и Минасян — это металлурги из Нахтерштедта и Еревана, «семерка»— последний, седьмой агрегат, смонтированный советскими специалистами. Но лучше все по порядку...

Может быть, вы слышали о небольшом городке Нахтерштедт в округе Галле? Он славился бурым углем и древними шахтерскими традициями. Но не так давно запасы угля иссякли, и, чтобы не оставить жителей без работы, решено было построить здесь одно из крупнейших предприятий Мансфельдского комбината — завод легких металлов. Он стал в прямом смысле слова детищем социалистической интеграции. Технологию и основные агрегаты разработал московский институт «ВНИИметмаш», кроме того, Советский Союз поставляет часть сырья, газ и нефть. Станы холодной прокатки монтировали специалисты из Польши, электрооборудование — из Венгрии. В сооружении завода принимали участие и их чехословацкие коллеги. За опытом прокатчики из Нахтерштедта ездили и к своим польским друзьям в Конин.

Начиналось строительство в 1968 году. Три года спустя, когда туда прибыли монтажники из Москвы и Еревана, уже возвышались стены первого корпуса.

— Агрегаты, которые разработал наш институт,— объясняет мне Владимир Чеботарев,— до этого не применялись в промышленности социалистических стран. Речь идет о бесслитковой прокатке: алюминиевая полоса получается прямо из жидкого металла. Понятно наше волнение, когда комиссия на уровне СЭВ принимала первую установку! Волновались все — немцы, поляки, венгры: ведь это был наш общий труд!

— Бывало, за мной приходила на стройку жена и уводила домой, где я не показывался сутками,— вспоминает директор завода Хельмут Гросс.— Сейчас наш завод — гордость республики. Последний, седьмой агрегат, смонтированный в прошлом году, вышел на полную мощность. Венгрия и Чехословакия уже получают нашу фольгу, листовой алюминий. А в СССР мы будем поставлять алюминий для новостроек.

— А помнишь, как Минасян учил нас жарить шашлык?— напоминает Вальтер Хацог. — Теперь весь Нахтерштедт готовит шашлыки по-армянски!

— Сегодня мы приехали с поездом дружбы,— говорит Хельмут Гросс.— А поезда, с которыми приехал к нам ты, Владимир, венгр Йожеф Надь, поляк Збигнев Шевчик, — разве их не назовешь поездами дружбы? Я считаю: пусть как можно чаще они приходят в наши страны.

И эти слова стали тостом за праздничным столом.

...Главными пассажирами поезда дружбы были рабочие. В тот день я познакомился с Герхардом Шрадером, потомственным горняком, бригадиром специализированной бригады по проходке новых шахт на народном предприятии «Шахтбау» в Нордхаузене, близ Эйслебена. Герхарду тридцать семь.

— Современный рабочий, строитель нового общества в ГДР... Что, по-вашему, составляет его главную черту?

— Убежденность. Убежденность в своем долге и праве решать судьбу страны. В чем она проявляется? В стремлении каждого рабочего сделать больше, лучше, качественнее: рекорды становятся нормой дня. В уверенности, с какой ГДР смотрит в будущее. Это тем более ощутимо, что я могу сравнивать: 20 лет назад я заступил в свою первую смену, а республика делала первые шаги в социализм. Сколько было скептиков по поводу ее будущего! Сегодняшняя наша убежденность не пришла сама собой, она достижение всего общества, сделавшего высшим признанием труд на благо всех.

— В календаре уже тридцатая послевоенная весна. Какое из явлений сегодняшних дней представляется самым значительным и самым волнующим лично для вас?

— Первое — это крепнущий мир, единое, твердое «нет!» народов войне. Мои руки служат миру, созиданию, добру — разве это не большее счастье для рабочего человека?

Второе, и это особенно меня радует,— рост социалистического содружества государств. На своем рабочем месте я использую советскую технику, советский опыт. Бригады нашего предприятия бурят шахты в Монголии, Польше, Югославии. Я сам целый год работал в пустыне Гоби, на разведке полезных ископаемых для народного хозяйства Монголии. И речь идет не просто о техническом сотрудничестве! Когда я встречаюсь со своими советскими, польскими, монгольскими друзьями, оказывается, что говорим и думаем мы одинаково, пусть и на разных языках.

Анатолий ИВАНОВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

ВЕЧНЫЙ

Панкрат Назаров закрыл глаза и сидел так минут пять. На рытвинах коробок подбрасывало, голова председателя в лохматой шапке из собачьей шкуры болталась на тонкой шее, как тяжелая подсолнечная шляпа на жиденьком будыле при сильном ветре. Иван Иванович отчего-то вспомнил, как безропотно согласился Панкрат на добавочные шестьсот центнеров хлеба к годовому плану, не выказав абсолютно никаких эмоций, и в груди у Хохлова что-то размягчилось, сердце тоскливо защемило. Ему захотелось вдруг сказать этому старому и больному человеку какие-то теплые и благодарные слова, но таких слов у него не было. И, кроме того, он понимал, чувствовал, что любые слова будут плоскими, неуклюжими и что они только вызовут у Назарова холодноватую усмешку. Поэтому он лишь отвернулся и кашлянул.

— Что?— сразу же открыл глаза Панкрат.— Свороток уж?

— Далеко еще.

— Что-то в дрему часто покланивать меня, замшелое бревно, стало. Ночью сон не берет, а днем...

Несколько минут еще проехали молчком.

— Каково, Иван Иванович, в районной должности-то ходить?— спросил вдруг Назаров.— Попривык?

— Нет, Панкрат Григорьевич, тяжело... и не умею,— откровенно сказал Хохлов.— Просился было у Кружилина на завод обратно...

И, умолкнув, шумно задышал.

— Ну?

Иван Иванович, чувствуя, что краснеет, опустил глаза.

— Никогда не видел его таким. Как на мальчишку накричал...

— А ты его тоже пойми,— промолвил Панкрат не сразу. —Какое ярмо у него на шее. С кем-то везти надо.

— Я понимаю... пытаюсь, лучше сказать...— Хохлов вздохнул.— Я, Панкрат Григорьевич, человек неслабый. И не пессимист, знаю, чем солнце пахнет... Но я, как бы тебе выразить? До войны, бывало, всякий цветок, мотылек, красивая бабочка там в телячий восторг меня приводили. И вот война... Такое сразу свалилось! Дочка погибла, жена до сих пор... Так ничего, здорова. А ночью иногда прислушаюсь — плачет. Да... И кругом горе людское, такие трудности! Вот завод этот... Вот люди в селе, вижу, как бьются. Ну, кажется, нет выхода, все бесполезно, ничего не сумеем мы сделать... А он, завод, встал и задымил! Чтоб он дымил, дышал — Антон Савельев на гибель, на смерть... сознательно. И ты вот даешь ведь эти добавочные шестьсот центнеров... И я пытаюсь понять что-то, чего раньше, чувствую, не понимал. Отчего оно все это? Чем объясняется?

В синем апрельском небе не было больше журавлей. Куда ни погляди, ничего в нем не было, кроме угрюмых и темных сейчас утесов Звенигоры, которые с одного края подпирали это бескрайнее небо, врезаясь в него глубоко, в самую синь, до плавающих выше каменных громад редких облаков.

Председатель поглядел из-под насупленных проволочных бровей на темные утесы, на светлые облака над ними. И на длинную речь Хохлова ничего не ответил. Лишь минут через десять проговорил, мотнув головой в сторону:

— Там вон рыбачки мои должны быть. Я наказывал, чтоб не прозевали, как Громотуха вскроется... Может, глянем подъедем? Ежели тебе не к спеху в Шантару-то?

— Какие рыбачки?— спросил Хохлов, немного удивленный.

— Анна Савельева с бабенками.

— М-м... Любопытно...

Назаров взял у Хохлова вожжи, и коробок покатил к реке по каменистому некрутому косогорчику, с хрустом подминая и разрывая колесами прошлогодние, черные и крепкие пучки ковыльных струн. Высохшие стебли еще упрямо торчали, не сломленные осенними ветрами, не примятые к земле снегом, а ковыльные гнезда уже вновь приметно зеленели, из-под старых, грязных и седых стеблей выметывались тоненькие бледно-зеленые ниточки, тянулись вверх, к свету, к солнцу. Удивительная она, эта степная трава ковыль, думал Иван Иванович Хохлов. Зачем она на земле? Не ест ее скот, не клюют ее семян птицы, не использует для своих нужд человек. Лишь поется о ней в грустных песнях о расставаниях и невозвратных утратах. Растет она обычно на бросовых сухих и каменистых, как этот косогорчик, землях, и грустно бывает смотреть на созревшее ковыльное поле: пустынное оно и унылое, не звенят над ним человеческие голоса, не поют птицы, тоскливо мотаются под ветром седые метелки, из конца в конец катятся бесшумные белесые и безжизненные какие-то волны. Ковыльное поле всегда рождало у Ивана Ивановича невеселые мысли о бренности и ограниченности человеческого существования, и он, хотя и понимал, как всякий, что силы и время человека на земле не беспредельны, примириться с этим не хотел и думать об этом не желал. Ковыльное же поле заставляло думать о таких вещах, и за это он не любил древнюю траву.

— Анна Савельева... в колхоз, значит, вступила?— спросил он председателя, отвлекаясь от своих дум.

— Получилось так,— кивнул Назаров.— И хорошо.

Хохлов припомнил, что муж Анны, Федор Савельев, ушел на фронт еще в прошлом году. А нынешней зимой, кажется, в феврале она пришла в райком и попросила Кружилина посодействовать, чтобы ее отпустили с завода, поскольку и директор завода Нечаев, и отдел кадров, куда она обращалась, в этом ей отказали. Хохлов как раз находился в кабинете секретаря райкома и был свидетелем их разговора.

— Ну, отпустим...— проговорил Кружилин.— А как жить будешь? На что?

— В Михайловку свою поеду. В колхоз.

— А дети? Им учиться надо...

— Там есть семилетка. Андрейку с собой возьму. А Димка уже большой, он в Шантаре, когда учеба, жить будет. Дом свой, что ему?

— Он в восьмой, кажется, ходит?— спросил Кружилин.

— Ага...

Анна стояла тогда у стола в его кабинете, сдвинув длинные свои брови и глядя куда-то вниз, в угол. На ней была рабочая мужская тужурка, разбитые валенки, старая суконная юбка, в руках она держала большие бараньи рукавицы. Но все эти грубые вещи странным образом подчеркивали ее женственность и свежесть. Сколько ей лет, Хохлов не знал, по виду дал бы тридцать два — тридцать пять, но морщины вокруг глаз и щедрая проседь в выбившейся из-под платка пряди волос говорили, что ей намного больше.

— Ага, в восьмом Димка,— повторила Анна с каким-то облегченным вздохом.

— А Федор так и не пишет?— опять спросил Кружилин.

— Нет,— ответила Анна, почему-то подняла большие серые глаза на Хохлова и будто ему одному пояснила:— Как уехал на фронт — ни одного письма не написал.

В глазах ее не было той застывшей безнадежности и тупого страха, какой стоит у жен, чьи мужья долго не подают о себе вестей с войны. В глазах этих была просто задумчивая грусть. И еще Иван Иванович уловил в ее взгляде любопытство, она смотрела на него так, будто видела если не впервые, то после долгого перерыва.

— Ну, а Наташа... невестка твоя?— проговорил Кружилин.— У нее грудной ребенок.

Продолжение. См. «Огонек» № 18.

— Она у бабки Акулины живет. Я звала Наталью со мной жить, она отказалась. У Акулины, говорит, ребенку лучше. Да и правда, я же все на работе...

Анна опять опустила глаза, стала смотреть в угол.

— А за Димкой Марья Фирсовна приглядывать будет. Эвакуированная, что у нас живет. Она славная... Вы позвоните Нечаеву на завод. Ну... надо мне, не могу я больше тут.

— Хорошо, иди, Анна, я позвоню, — сказал тогда Кружилин...

Река открылась неожиданно — огромная, бесконечная, черная, в белом ледяном крошеве по бокам. Ледяные глыбы в беспорядке громоздились на берегу, некоторые стояли торчком, иные, пробороздив глубоко гальку и мерзлую землю, истаивали сейчас далеко на берегу, стекали светлыми ручейками обратно в реку. Глядя на огромные ледяные обломки, Хохлов попытался представить себе ту чудовищную силу, которая взломала вдруг метровой толщины ледяной панцирь, раскрошила его на тысячи и тысячи кусков, отчего на реке стало сразу тесно, поволокла обломки эти вниз, начала выталкивать на берег...

— Удивительно... Какая силища! Невообразимо! А вы знаете, Панкрат Григорьевич, я никогда не видел, собственно, ледохода.

ЗОВ

— Напрасно,— осуждающе почему-то сказал Назаров.

— Там, где я жил, большой реки не было... Где ж ваши рыбаки?

— Вот они.

Метрах в ста от того места, куда подъехали Хохлов с Назаровым, чернело среди ледяных глыб несколько фигур. И хотя они все были в брюках, а некоторые в шапках, в них без труда различались женщины. Две из них взмахивали длинными шестами, на конце которых были укреплены треугольные сетчатые черпаки, погружали эти черпаки в воду, шарили ими где-то под льдинами, вытаскивали и высыпали из черпаков в ведра мелкую рыбешку. Когда высыпали, рыбья мелочь ослепительно серебрилась под вечерними лучами солнца.

— Поразительно!— пробормотал Хохлов.— Так просто?

— А что хитрого? Испокон веков у нас тут рыбу саком черпают. Почистим вот, засолим... Из соленой рыбы суп посевщикам варить будем. Здравствуйте, бабы!

— Здравствуйте,— сказала Анна Савельева за всех, дуя на красные от ледяной воды руки, поправила сбившийся на затылок платок и снова закинула сак между льдин.

На берегу плоскими мокрыми лепешками валялось несколько мешков, наполненных рыбой.

Анна, тяжело перегнувшись, выволокла сак из-подо льдины, подержала на весу, пока стечет вода, и высыпала в широкое ведро несколько десятков чебаков и окунишек.

— Поразительно,— опять произнес Хохлов.— Будто из полного корыта...

— Вся рыбешка сейчас у берегов. Надохлась за зиму без воздуха. А вот счас вместе с водой, которая с тающих льдин льется, голимый кислород в речку течет. Рыбешка его и ловит... Тоже живая тварь, дыхать хочет. Тут-то ее только черпай. Растают льдины, и рыбалка такая кончится. Вглубь рыба уйдет.

— Ну да, ну да...— промолвил Хохлов.

Сбоку застучали колеса, к берегу подъехали председательские дрожки. На них среди всяких узлов и мешков сидела та самая повариха Тоня, о которой недавно говорил Назаров. Выбрав наиболее пологий спуск, она съехала прямо на прибрежную гальку, натянула вожжи и крикнула:

— Грузите, что ли, улов ваш!

— Давай, бабы, — сказал Назаров. — И кончайте, хватит. Промокли все.

Женщины беспрекословно и молча принялись складывать на дрожки мокрые и тяжелые мешки, потом повариха тронула подводу, широко, по-мужски, шагая сбоку. Рыбачки двинулись следом.

Назаров и Хохлов остались на берегу одни. Председатель колхоза долго стоял спиной к берегу, смотрел на черный неподвижный лоскут воды между двух огромных зеленоватых льдин, торчащих из реки. Бока льдин отражались в воде. Еще отражались там, плавая далеко внизу, на невообразимой глубине, два маленьких облачка и кусочек светло-синего, совсем уж бездонного неба.

Где-то звенела тоненько и тоскливо водяная струйка, стекая в реку.

— А ночью, когда там звезды, аж мороз по коже...— проговорил вдруг тихо Назаров.— Умом-то знаешь, что по колено тут, а кажется... Жутко, а глядеть хочется. Думаешь: батюшки, сколько у бога великого да вечного! И мы вот, людишки маленькие, на земле зачем-то... Зачем? А?

Назаров повернулся к Ивану Ивановичу Хохлову. Взгляд старого председателя был до того суров и холоден, что Хохлов растерялся.

— Вопрос...— промолвил он с невеселой усмешкой.

— Да, вопрос. Вот и еще у меня один есть.— И вдруг Назаров усмехнулся.— Ладно, после я задам его тебе. А счас поедем.

Он повернулся и пошел к подводе, хрустя галькой. Шел он, сильно ссутулившись, горбом выгнув спину, обтянутую брезентовым дождевиком, медленно и широко махая длинными и тяжелыми полусогнутыми в локтях руками.

Когда сели в коробок, Назаров молча взял вожжи, тронул лошадь. Проехали косогорчиком с торчащими пучками прошлогоднего ковыля, выбрались на Шантарский тракт. Вскоре так же молча, ничего не объясняя, Назаров повернул с тракта на проселок, ведущий во вторую бригаду. Лишь когда подъезжали к бригаде, сказал:

— С обеда не евши ты... Накормим ухой из свежей рыбки и отправим восвояси.

* * *

Вторая бригада колхоза «Красный колос» была Хохлову знакома, прошлой осенью он был здесь несколько раз. За зиму ничего тут не изменилось — те же два жилых дома, один для полеводов, другой для животноводов, тот же почерневший от времени амбар, хозяйственный сарай, стряпка, худенький коровник, наскоро построенный осенью из жердей и обмазанный глиной, пригон для скота и большая бревенчатая рига. Только рига осенью была под толстой соломенной крышей, а сейчас сверкала под заходящим солнцем голыми ребрами стропил.

— Зимой крышу-то скоту скормили,— сказал председатель колхоза, хотя Иван Иванович и сам об этом знал.— Осенью заново покроем. Ну, счас я насчет ужина... А ты покуль в дом ступай, отдохни. Али с народом побеседуй.

В бригаде было не очень многолюдно. Возле раскрытых дверей амбара стояла бричка, груженная туго набитыми мешками. Две женщины снимали мешки с брички и ставили на весы. Совсем молоденькая девушка, сильно конопатая, в пестром, сбившемся на затылок легком платочке, в мужском пиджаке, старательно взвешивала мешки, слюнявила огрызок химического карандаша и большими цифрами помечала вес в растрепанной тетрадке.

— Семена?— спросил Хохлов, подойдя к амбару и поздоровавшись.

— Ну, — утвердительно кивнула одна из женщин, вытирая ладонью пот с лица.— Яровые.— И поволокла мешок в амбар.

— С центральной усадьбы возим,— пояснила конопатая девушка.

— Простудитесь. Что ж вы так легко одеты?— задал Хохлов ненужный вопрос.

— А баба весной всю одежку долой,— немедленно донеслось с брички.— Чтоб всякий мужик сразу глаз положил.

Хохлов, как всегда в таких случаях, смутился. Вышедшая из амбара женщина, помоложе и постройнее той, что стояла у брички, оглядела Ивана Ивановича с ног до головы и безжалостно пояснила:

— Да мы это не про тебя. Какой ты мужик? Ты начальник, тебе нельзя. Мы вон про деда.

Женщина кивнула в сторону хозяйственного сарая, где щупленький старичок починял тележное колесо. Хохлов оглянулся и сразу же узнал в нем бывшего райкомовского конюха Евсея Галаншина.

— И как он, дед... кладет?

— А как же! Он дед-то дед, да цены ему нет. Довольны мы... Жалко, что единственный он у нас мужик на всю бригаду. Был бы еще один, мы бы и вовсе горюшка не знали.

Конопатая девушка тоненько прыснула и зажала кулачком рот. Иван Иванович потоптался у весов, усмехнулся неловко и отошел к старику.

Евсей Галаншин еще прошлой осенью попросил расчет у Кружилина.

— Кости ноют, Поликарп, в землюшку родимую, кажись, запросились,— сказал он, утонув в мягком кожаном кресле перед секретарским столом почти с головой.— Поконюшил я у тебя, отпусти... Где родился, там и помереть хочу. Своим паром кости свои хочу туда донести.

— Нехорошие мысли у тебя, Евсей Фомич,— качнул совсем поседевшей головой секретарь райкома.— Зачем раньше времени? Побегаешь еще по земле.

— Походим, что ж, сколько бог даст,— сразу согласился Евсей.— Но конюшить уж тяжко. А там, у Панкрата, где потихоньку, где поддержу... А ему все в помощь.

Переехав в колхоз, он поселился во второй бригаде, облюбовав себе каморку в одном из домов, сам сложил там печь с большой лежанкой, помогал животноводам — нынешней зимой держали тут полторы сотни коров,— следил, чтобы бабенки не оставили где по неосторожности или усталости огня.

— Ну, бабы у вас,— сказал Хохлов Галаншину, подходя.— Прямо краску теперь с лица не отмою. Здравствуйте, Евсей Фомич.

— Здорово живешь, Иван Иванович... Бабенки что? Им хоть словами нагуляться...— Дед Евсей отложил молоток, которым натягивал железную шину на колесо.— Ну, что там у вас в райкоме-исполкоме?

— Что ж... К севу вот готовимся.

— Поликарп Матвеевич что там? Тоже, как ты, с тела сошел?

— Разве я похудел?

— Попра-авился!

— Да... Не знаю... Мы каждый день видимся. Оно потому и не замечаем, может.

— Да ты садись вот на чурбачок. В ногах правды нету.

Хохлов сел, окинул взглядом бригадные обветшалые строения. Женщины разгрузили бричку и теперь закрывали широкие двери амбара. Возле стряпки несколько женщин чистили и потрошили рыбу, мелькала повариха, и один раз появился сам Панкрат Назаров, что-то сказал Анне Савельевой и скрылся.

— Про сына-то Поликарпа, Василия, известно что, нет?

— Вроде ничего не известно. Погиб, наверное.

— Ну да, ну да... Может, и пророс уже где ковыльком-горюном.

Иван Иванович вздрогнул.

— Как вы сказали?

— Может, говорю, где уже новая сединка по нем, по Василию, на земле пробилась,— грустно вымолвил старик.— Горе да утраты голову человеку забеливают. И на лике земли то же происходит. Все мы у нее сыны да дочки. Всех жалко ей.

— Удивительно...

— Чего?

— Да вот то, что говорите вы, Евсей Фомич.

— Аа-а... Это так,— кивнул старик.— Это отец мой...

Дед Евсей на полуслове умолк, стал глядеть куда-то перед собой — не на землю и не на небо, а так, в пространство, и в глазах его, старых и изношенных, была какая-то дума, грустная и вековая. Иван Иванович вдруг почувствовал, что нельзя, не надо прерывать эту его думу ни словом, ни движением, потому что будет это кощунственно. И сидел, не шевелясь...

Наконец взгляд старика медленно притух, он опустил глаза на недоделанное колесо, зачем-то потрогал его усохшей давно уже рукой и жиденько вздохнул.

— Да, вишь какое дело. Отец мой, помню, все старинную песню певал. А сам ее от отца своего, грит, слыхивал, то есть, стало быть, от моего деда. Каков он, дед мой, был, не знаю, не видывал его. С самим генералом Суворовым, отец мой рассказывал, воевал... На турка ходил с ним, на поляка, на француза... Сто двух годов помер... Ну, да все мы долгожители. Отец тоже чуть не под сто годов скончался. И я вот... не обидел бог годками-то. Песни той я по малолетству да по дурости не запомнил. А вот как счас слышится: пелось в ней об тяжком вражеском иге на русской земле. Конями ее топтали, огнем жгли... Людей секли да резали... в слезах он захлебывался. И поднялся, значит, он, народ, на битву небывалую, да... Вышли воины на бескрайнее степное поле, все разноцветьем покрытое. И начали с басурманами биться. И полегли, почитай, все, но врагов побили, а остатних вспять повернули, да погнали, да погнали... Ну, после вернулись на потоптанное да разрытое копытами поле. Врагов мертвых пособирали да в речку покидали, что во вражий стан текла. Получайте, мол... А своих похоронили. Могильных холмиков не стали делать, разровняли все поле, чтоб, значит, опять ромашки на нем выросли, другие цветы всякие, чтобы испокон веку было оно все так же солнечным брызгом обсыпано... Но чудная трава какая-то стала прорастать на этом поле — жесткая, стеблистая. А под осень каждая травинка выбросила белые волосы... Поседело, значит, все поле от горюшка... Вот так. И с тех пор повелось: погибнет человек за землю, в нее же и ляжет... И вырастет где-то еще одна седая травинка, стоит да плачет под ветром. Так в песне той поется...

Все это старик говорил негромко и ровно, а в груди Ивана Ивановича что-то возникало живое и щемящее, поднималось к горлу, закладывало его.

— Плакал мой отец, когда пел эту песню. Мне бы, дураку, слова-то все заучить. Счас бы и сообщил их тебе и другим. А я... Так вот и теряем мы свои песни.

Солнце уже село, скрылось с глаз за пологим увалом и прощальным веером било из-за него по всему небу. Солнечные лучи еще захватывали голые верхушки деревьев

за амбаром, окрашивали их в красно-медный цвет почему-то все сильнее и сильнее. Чудилось, что тонкие верхушки берез и осин раскаляются, как перепутанные мотки проволоки, сунутые в кузнечный горн, и сейчас вспыхнут злым и торопливым пламенем.

Глухо застучали по земле колеса брички — женщины и конопатая девчонка кудато поехали, может быть, за новой партией семян. Старый Евсей поглядел им вслед и, отрешаясь от своих дум, вздохнул:

— Сколь работы им, сердешным, после войны будет.

— Кому?

— Бабам-то. Жадно рожать после войны зачнут.

Иван Иванович медленно повернул к старику голову. Еще не очнувшись как-то от рассказа про необыкновенную песню, он поразился даже не этим необычным словам — «жадно рожать», а тому обстоятельству, что для женщин это будет работа, много работы!

— Что так смотришь?

— Это вы... правильно, пожалуй.

— При чем тут правота-неправота? От бога так али, по-теперешнему, от природы... Седых ковылей на матушке-земле все прибавляется, но и народ тоже убытку не терпит. И все так в природе под солнцем. Вот в пример возьми хотя бы, ну, сказать, лес, поле... Рана на человеке как не болит, а затягивается, рубцуется. И на лесном пожарище тоже... Через первую же зиму всякие елки-метелки проклевываются. И тянутся, к солнышку тянутся, крепнут помаленьку... Али проплешину от костра на лугу возьми. Обуглит огонь землю вглыбь на полсажени, бывает, сгорит все там, всякие семена и травяные корни. И год чернеет эта проплешина и два... А потом начинает затягивать с краев травкой... И глядишь: затянулась, кучерявится зелень-то как ни в чем не бывало. Так и в народе. И бабам тут дело-ов!

Из кухни вышла повариха Тоня с тряпкой в руках, вытерла этой тряпкой лицо и направилась прямо к хозяйственному сараю. Подойдя, она остановилась шагах в пяти — крупная, налитая ранней женской спелостью, с красным лицом не то от жара плиты, не то от смущения.

— Я сготовила. Пойдемте ужинать,— проговорила она, торопливо скользнув по Хохлову глазами, и сразу же отвернулась.

— Спасибо, Тоня. Сейчас.

Она стояла боком, прижимая тряпку к тяжелым буграм грудей, точно стеснялась их и хотела прикрыть. Хохлов видел эту располневшую девушку не раз, но все както издали. Черные глаза ее, как он считал, ничего никогда не выражали, кроме тупого и привычного равнодушия ко всему миру. А сейчас он разглядел вдруг совсем иное. Во-первых, глаза у нее были вовсе не черные, а густо-синие, как набрякшее первой грозовой силой весеннее небо. Опушенные хотя не густыми, но длинными ресницами, они таили в себе, оказывается, что-то робкое и восторженно-любопытное одновременно. И еще что-то ожидающее, чего нет сейчас, но что скоро будет обязательно... Во-вторых, в ее полноте не было ничего безобразного или неприятного. Просто крупная от рождения, широкая, как говорят, в кости. Хохлов видел ее всегда в какой-нибудь старенькой телогрейке или широком, застиранном платье... А сейчас на ней был свежий синий, под цвет глаз, рабочий халат, схваченный в талии пояском. И сквозь халат обрисовывались ноги — длинные, крепкие и стройные... И, в-третьих, она была просто красива. Полные, румяные щеки, губы яркие, над верхней губой золотистый пушок. И голову с гладко зачесанными и собранными на затылке в большой узел волосами она держала как-то по-особенному — не гордо, но и не униженно. И немножко досадно даже стало Хохлову: зачем она прижимает неловко тряпку к груди, чего стесняется? Все в ее фигуре к месту...

— Сейчас я...— сказал он еще раз. Повариха опять взглянула на него, теперь откровенно любопытно, повернулась и пошла.

Иван Иванович и старик провожали ее глазами до стряпки. Она это, видимо, чувствовала, шла, чуть опустив голову, все торопливее и торопливее, а последние метры почти пробежала.

Когда она скрылась, Хохлов опустил в задумчивости голову, а дед Евсей сказал:

— Вот и эта матерь добрая растет.

Хохлов думал примерно об этом же, но совпадению своих мыслей со словами старика не удивился.

— Хорошая девушка.

— Ага,— кивнул старик.— Чистая она, Тонька. Пошли ей бог хорошего мужика.

Через несколько минут Иван Иванович, раздевшись в маленькой, опрятной комнатке, мыл руки над тазиком, и Савельева Анна, подвязанная пестреньким платком, сливала ему.

Иван Иванович вкратце знал ее родословную и ее историю со слов Поликарпа Кружилина, всегда с любопытством поглядывал на нее.

— Как здесь приживаетесь-то? — спросил он.

— А чего мне приживаться?— чуть усмехнулась Анна. — Я здешняя. Да ведь, поди, и сами знаете.

— Знаю. И что партизанила тут в гражданскую, знаю...

— Только это? — Она подняла на него большие строгие глаза. Губы ее, немного выцветшие, но еще свежие, были плотно сжаты. Иван Иванович был уверен, что в уголках этих губ сейчас проступит горьковатая усмешка. И чтобы она не проступила, он хотел еще что-то спросить, но не успел: открылась дверь, вошел Назаров, неуклюже топая и следя грязными, в комьях прилипшей земли сапогами по чисто вымытому полу, стянул дождевик, фуражку, сел на скамейку и стал разуваться. Оставшись в носках, вымыл руки, заскорузлыми ладонями пригладил на голове торчащие седые космы и сел к столу.

— Ну вот... Пока то да се — на пашню глянул. По колено, считай. Грузнет еще нога. Да на вешнего Егорья, пожалуй, коли такая погода стоять будет, начнем сеять, помолясь...

— Когда это?— спросил Хохлов.

— Егорий-то? Шестого мая будет. Хорошо ныне, спасибо вам, не подгоняете. Полипов, бывший секретарь райкома, а потом на твоем месте работал, наверно уж, баню нам бы не раз устроил. Саботажники, мол, и преступные разгильдяи, сев умышленно задерживают! А земля не скоро еще подойдет... Ну, где там Антонина со своей ухой?

Анна вышла. Панкрат, постукивая ложкой о столешницу, глядел в окно на сгущающийся вечер, о чем-то думал.

— А что, ежели возьму да и поставлю Анну вот сюда бригадиром?— неожиданно проговорил Назаров.— А? Будете в районе возражать?

— Да нет, чего же. Тебе же виднее.

— Хорошо!— воскликнул Назаров, с шумом отворачиваясь от окна. И пояснил непонятно:— Хорошо это, говорю, когда начальство понимает, почему рыба в воде плавает, а птица по небу летает...

Тьма за окном все сгущалась. Назаров встал и зажег висящую над столиком лампу под металлическим эмалированным абажуром.

Скрипнула дверь, появилась Антонина, неся большую сковороду и закопченный котелок. Она поставила все это на стол, сняла крышку с котелка, налила в тарелки. Из рассохнувшегося стенного шкафчика достала два ломтя черного, клейкого на вид хлеба.

— Ну, ужинайте,— сказала она и вышла.

Уха была пахучей, запахом ее наполнилась вся комната.

— Вкусно!— проговорил Хохлов.— Будто сроду такой и не ел.

— Вкусна не вкусна, да голод — он не тетка. Он и надоумил нынче нас хоть немножко взять моментом рыбешки. Оно не мед в ледяной воде мокнуть, а потом каждую малявку чистить. Но какое-никакое, а подспорье. Вот так одно да другое чего придумаем, да третье — и люди наши на севе будут... не скажу, что сытые, но и не впроголодь. И маленько лишних гектаров напашем, и эти прибавочные шестьсот центнеров вырастим, сожнем, обмолотим и сдадим... А теперь вот и хочу задать тот вопрос тебе, что на речке хотел. Почему это каждому доказывать надо, что ты честный человек? Ну?

Улыбка, бродившая по лицу Хохлова, сразу исчезла. Он почувствовал вину и неловкость за свои недавние мысли относительно Назарова.

— Это что ж... тот старик, Петрован Головлев, вам доложил? Когда ж он успел?!

— Там, в Михайловке, подошел к амбарам да и сказал. Покуда ты ко мне приближался, мы уже побеседовали.

Хохлов глядел на доски давно не крашенного, облупившегося, но чисто вымытого пола, чувствуя на себе по-стариковски обиженный взгляд Назарова. И все-таки нашел в себе силы поднять глаза на председателя.

— Было такое у меня в мыслях, Панкрат Григорьевич... нехорошее,— сказал Хохлов негромко.— Ты прости меня... Понял я все.

Впервые он назвал его на «ты». От внимания Панкрата это не ускользнуло, желтоватые ресницы его дрогнули.

— Ладно, Иванович. Чего там, ничего,— так же негромко промолвил он в ответ.— Я знаю, разговоры какие плетутся про меня. Но жулик я или еще каков человек — это уже вы да господь пусть рассудит.

...Уезжал в Шантару Хохлов уже какой-то не такой, каким приехал в Михайловку, и ясно чувствовал это. Понял я все, сказал он Назарову. А что? Объяснить это самому себе он не мог. Но понимал: прожитый день сразу сделал его если не умнее, то намного старше.

Лошадь шла шагом, время от времени пофыркивая в темноту. В ночном небе чернела громада Звенигоры, над ее зубчатой хребтиной, над рекой, над холодными и пустынными полями, в которых кормятся где-то сейчас журавли, стояло, текло и переливалось нескончаемое море звезд.

Ехал Иван Иванович под этим ночным звездным небом, и непривычные мысли, незнакомые ранее чувства одолевали его. Где-то горит край земли, думал он, и сгорают в том безжалостном огне люди. А здесь все тихо и мирно, лишь неимоверно тяжело. Но невозможно одному человеку во всем размере представить все то горе, всю трагедию, которую переживает сейчас земля. Как невозможно представить все величие и необъятность этой жизни, этого неба и полей под ним. Это можно лишь немного почувствовать, как вот он сейчас чувствует... Пройдет сто лет, пройдет двести... Не будет на земле ни Панкрата Назарова, который спит сейчас, разбросав на постели длинные свои руки с жесткими ладонями, ни этой девушки Тони, налившейся крепким материнским соком, ни Анны Савельевой, продрогшей сегодня в ледяной воде, ни его, Ивана Ивановича Хохлова. Но по-прежнему будет полыхать над землей звездный огонь. И сколько бы ни прибавилось на земле белых седин-ковылей, народ убытку своего не потерпит. И кто-то другой будет вот так ехать по молчаливой ночной дороге под звездным куполом, будут так же спать люди, раскидав по постелям натруженные за день руки. Каждый, вновь приходящий под это вечное небо, будет заново пытаться понять, какова она, земля, в чем ее красота и сила. Но неужели и потом, позже, понять это будет иногда так же непросто? Неужели и тогда будут войны? Будут зарастать все новые и новые поля ковылем? Неужели вот так же кто-то у когонибудь спросит вдруг: «Почему это каждому доказывать надо, что ты честный человек?».

Продолжение следует.

НАСТАВНИКИ

В Воронеже создан областной клуб «Наставник», объединяющий более четырнадцати тысяч кадровых рабочих, которые шефствуют над молодежью. Инициаторами выступили четыре завода: экскаваторный, тяжелых механических прессов, радиодеталей и шинный. Мы побывали на этих предприятиях и попросили наставников поделиться своими соображениями о проблемах трудового и нравственного воспитания молодых рабочих и работниц. Ответы были настолько разнообразны, а порой противоречивы, что мы решили собрать наших собеседников за воображаемым «круглым столом».

Редакция «Огонька» надеется, что эта беседа вызовет интерес у читателей, причастных к наставничеству, и разговор будет продолжен.

ЛЮБОВЬЮ ТРЕБОВАТЕЛЬНОЙ, СТРОГОЙ...

В. С. РУБЦОВ,
слесарь-сборщик
завода тяжелых механических
прессов,
Герой Социалистического Труда:

— Когда я слышу слово «наставник», мне хочется снять шапку, как когда-то снимал ее перед Платоном Фирсовичем — моим первым учителем, мастером и наставником. Платон Фирсович не только учил, как держать напильник, он нас наставлял на путь истинный. Именно от него я впервые услышал такие слова, как «рабочая совесть», «рабочая честь», «рабочая гордость»... И хотя Платон Фирсович был человеком довольно суровым, мы, фабзайчата, чувствовали, что он нас любит любовью требовательной, строгой, а это, поверьте, именно то, что нужно парнишке. Сломаешь, скажем, инструмент или запорешь деталь — понимаешь, что заслужил нахлобучку. А Платон Фирсович повздыхает, покряхтит — я, например, в этот момент готов был сквозь землю провалиться — и начнет объяснять да показывать, что и как надо делать, чтоб эта накладка была первой и последней.

Мне уже шестьдесят, а своего первого мастера помню и никогда не забуду. И не только потому, что он сделал из меня неплохого слесаря; он сделал из меня рабочего человека — вот что главное!

Сейчас к нам на завод приходят грамотные, сноровистые ребята. Через год-два они начинают работать не хуже ветеранов. Но жить в соответствии с требованиями рабочей совести и рабочей чести некоторые из них, к сожалению, не хотят. Взять, например, Женю П... Руки-то у парня хороши, а голова дурная: то напьется, набедокурит где-то, то опоздает на работу... В общем, непутевый. Всяко я с ним говорил. Гляжу, не пробирает парня: вы, мол, мне не указ, и баста! Он к тому же и индивидуалист — ему коллектив нипочем. Решился я тогда на крайнюю меру. Каждый день перед началом смены у нас бывают «пятиминутки» — собираемся вместе и обговариваем, как лучше справиться с заданием. И вот на такой «пятиминутке» я завел разговор о Женькиных «художествах». Ох, и взялись за него ребята! Ведь одно дело предъявлять претензии с глазу на глаз и совсем другое — высказать нелицеприятное мнение на собрании целого коллектива. Не сразу, конечно, но за ум Женька взялся: пошел в вечернюю школу, работает теперь рядом со мной и не отстает и вообще сделался другим человеком — настоящим рабочим парнем.

СТАТЬ ДРУГОМ!

А. А. ЧЕРНЫШОВ,
электросварщик
экскаваторного завода,
Герой Социалистического Труда,
делегат XXV съезда КПСС:

— Василий Сергеевич, положа руку на сердце, все ли вы сделали, чтобы стать для Жени другом: старшим, умудренным опытом, но все же другом? Ведь указывать парню на его недостатки — это еще не значит помочь от них избавиться. Я сам сталкивался с такими ребятами. Есть люди гордые, самостоятельные, желающие сами во всем разобраться, так сказать, методом проб и ошибок, а мы такого человека тычем, как слепого котенка: этого нельзя, того нельзя, сюда не ходи, туда не гляди. А почему? Мы что, сами не ошибались? Не запарывали деталей, не приходили на работу невыспавшимися, прогуляв всю ночь с девушкой, не спорили с мастерами? Я считаю, что самое главное в наставничестве — привить молодому человеку любовь к труду. Недаром говорят, что труд красит человека. Само собой, параллельно с этим надо помочь ему стать по-настоящему рабочим человеком.

Я, во всяком случае, действую по такому принципу: ненавязчиво, деликатно и очень осторожно прощупываю парня, нахожу его слабые места и потихоньку воздействую собственным примером. Вижу, скажем, что он работает вполсилы. Тогда беру такой наряд, чтобы моя работа зависела от его, или наоборот. Волей-неволей он втягивается в мой ритм. По ходу дела подсказываю, как лучше и быстрее сварить тот или иной узел. Вижу: дело пошло. Тогда включаю вторую скорость, третью... Парень входит в азарт, «заводится», глядь, к концу смены сам на себя дивится: неужели это я столько наворотил?!

Первое дело — привить вкус к работе. На этом я стою твердо. Дальше... Работать парень научился, но рабочее место захламленное, да и сам неряшлив. Тогда я начинаю каждую свободную минуту «вылизывать» свое рабочее место, причем на его глазах. Не с первого раза, но до него доходит, что куда удобнее работать на чистой площадке, чем спотыкаться о железяки и путаться в стружке. Смотришь, и он взялся за метлу да швабру. А если рабочее место сверкает чистотой, то и сам невольно подтягиваешься. Это как в Московском метро: чистота такая, что и в голову не придет бросить бумажку на пол.

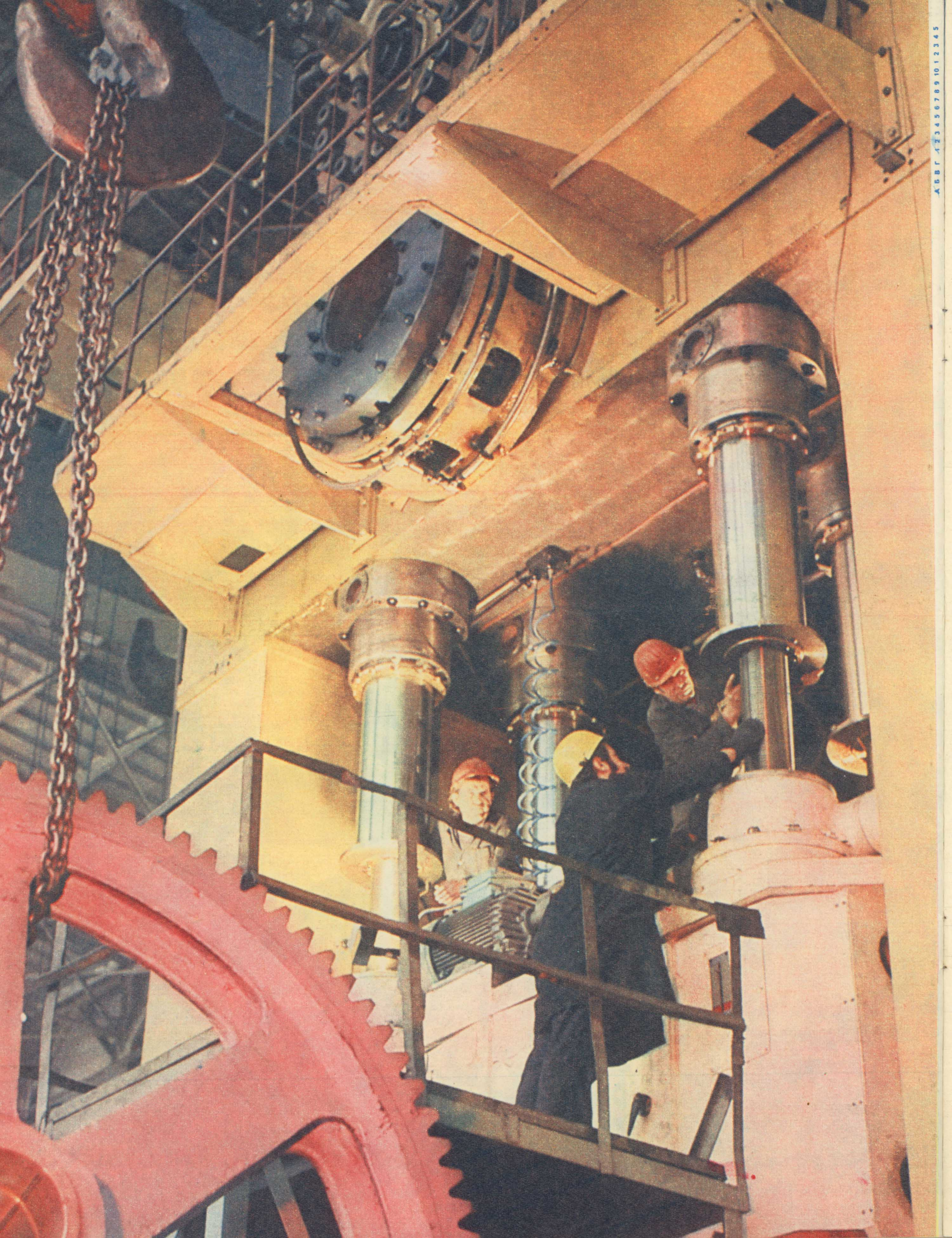
И вообще я считаю, что надо завоевать право быть наставником. Ведь не каждому человеку парень раскроет душу, будь ты хоть трижды передовик. Нужно взаимное доверие. Я из-за этого недавно поспорил с председателем цехкома. Составил он списки пар: наставник — подшефный, наставник — подшефный... Так как пары утверждаются на заседании цехкома, я пришел со своим подшефным Колей В. С ним у нас, как говорится, полный контакт. А мне заявляют: «Тебе записали другого». И называют парня, которого я в глаза не видел, да и он меня не знает. К тому же работает в другом конце цеха. Извинился я перед Колей, публично извинился: ведь я вывел его на люди, думая, что они порадуются нашей дружбе, а вместо этого... Одним словом, пришлось сказать председателю цехкома все, что я думаю о его затее. Это же черт знает что получается, а не наставничество! Формализм в столь важном деле губителен. Только человек, не любящий и не понимающий молодежь, может так механически составлять эти списки. Ведь речь-то идет о дружбе, да еще о дружбе людей разных возрастов. А ее, эту дружбу, нельзя породить росчерком пера. Ее надо заслужить. А может, и выстрадать.

Я уже говорил, что есть люди гордые, самостоятельные, им не так уж приятно знать, что на видном месте в цехе висит список и против твоей фамилии — фамилия другого человека, который за тебя, так сказать, отвечает. И совсем другое дело — сознавать, что с тобой дружит старший товарищ, к которому всегда можно обратиться за советом как по личному, так и по производственному вопросу. Я бы даже сказал еще точнее: не можно обратиться, а хочется обратиться за советом.

Так что мое мнение такое: быть наставником — высокая честь, но право это надо заслужить.

С заводского музея начинается знакомство молодежи с производством. Сегодня будущие рабочие Воронежского завода тяжелых механических прессов встретились с наставниками: сменным мастером Иваном Филипповичем Себелевым, слесарем-модельщиком, делегатом XXV съезда КПСС Виктором Митрофановичем Лавлинским и слесарем-сборщиком, Героем Социалистического Труда Василием Сергеевичем Рубцовым. * Комсомольско-молодежная бригада Анатолия Соболева работает на ответственном участке — сборке прессов.

ПЕРВАЯ ЗАРПЛАТА

И. ЯНШЕВ,
сборщик большегрузных шин Воронежского шинного завода, делегат XVII съезда ВЛКСМ:

— Я с вами согласен: право быть наставником надо заслужить. Но как же быть нам, молодым наставникам? Мне двадцать шесть лет, а я уже больше года шефствую над Валерием Котовым, который всего на три года младше меня. Сборщиком шин он стал хорошим. Здесь моя заслуга не так уж велика. Дело в том, что я работаю на станке Героя Социалистического Труда Богатырева, только в другую смену. Частенько приходил пораньше, смотрел, как собирает шины Николай Григорьевич, спрашивал у него, что к чему. А потом все, что узнал, показывал и рассказывал Валерию.

Но ведь дело не только в этом. Помню, как получил Валера первую зарплату. По дурной традиции так ее обмыл, что на следующий день не мог работать. А труд у нас нелегкий, тут всегда надо быть в форме. Будь у него наставник, годящийся в отцы, тот, конечно, нашел бы возможность сказать ему суровые слова, да еще при людях. Пристыдил бы. Но ведь стыд порой рождает и обиду. Поэтому я сделал иначе: поставил его к станку и заставил работать самостоятельно. Семнадцать потов сошло с Валерия, пока он собрал свою первую шину. Но собрал. Парень он гордый, принципиальный, и если уж взялся за дело, доведет до конца. На это я и рассчитывал...

Со временем мы стали большими друзьями. Видимо, это закономерно: четкой грани между наставничеством и дружбой быть не может, тем более если речь идет о людях почти одного возраста. У нас с Валерием даже общее увлечение: я много лет пою в хоре, теперь туда ходит и он... Короче говоря, мне кажется, что наставник может быть и молодым. Во всяком случае, в нашем цехе, да и на заводе, таких немало. Насколько мне известно, также обстоят дела и в бригаде одного из первых наставников, Героя Социалистического Труда ленинградца С. С. Витченко: недавно комсорг его бригады сам стал бригадиром-наставником комсомольско-молодежного коллектива.

О НАСТАВНИКАХ И ДЕТЯХ

В. М. ЛАВЛИНСКИЙ,
слесарь-модельщик завода тяжелых механических прессов, делегат XXV съезда КПСС:

— Спорить не буду: наставник может быть и молодым. Но только в виде исключения. Ведь жизнь порой подбрасывает такие задачи, решить которые молодому наставнику просто не под силу: не хватит жизненного опыта.

Есть еще одна проблема. Я — о детях. Был недавно на шинном заводе случай — Иван Яншев, видимо, решил о нем не рассказывать,— когда сын одного из лучших наставников оказался дебоширом и хулиганом. Впрочем, такие случаи бывали и на нашем заводе. Чего греха таить, ведь мы иногда назначаем наставником человека, которого знаем как хорошего производственника, а каков он за воротами завода, понятия не имеем. В вытрезвителе не был, жалоб от жены нет — значит, все прекрасно... А ведь не исключено, что тот наставник с шинного не так уж и виноват в дурном поведении собственного сына: у него просто не стало хватать времени на его воспитание. Судите сами. Чего только нет в планах и договорах любого наставника: совместные походы в кино и театры, экскурсии, посещения музеев, проверка условий жизни подшефного и даже приглашение домой на чашку чая. Ну, чего я потащу его в музей, если парень рвется на каток, а я не могу стоять на коньках! Да и возраст, простите, не для вальсов на танцплощадке. Парню с девушкой хочется встретиться, сходить с ней в кино, а я напрашиваюсь к нему в гости, чтобы посмотреть общежитие...

У меня же, между прочим, своих двое! Сидят дома и ждут отца. Им ведь тоже хочется и поговорить со мной и на лыжах покататься. Подождут-подождут да и махнут на улицу. А там, как вы знаете, всякое бывает... Так что я очень сочувствую тому наставнику с шинного, который проглядел собственного сына: насколько мне известно, отец с головой ушел в общественные дела, и дома его почти не видели.

Я думаю так: нечего нам таскать за собой парня на коротком поводке. Пусть живет и учится жить... А понадобится, он сам попросит совета, если, конечно, в наставнике будет видеть друга. Мы же должны сделать главное: привить любовь к труду, научить работать не хуже, чем мы сами! А главное — чтобы появилась у него рабочая гордость. Ко мне приходило немало совсем зеленых парнишек-учеников. До чего же приятно было видеть, как они росли, мужали, как уходили в армию, писали оттуда письма, возвращались в родной цех, становились мастерами своего дела, а потом и сами начинали учить молодых. Уж не помню кто, но кто-то мудро сказал: «Учитель, воспитай ученика!» Этим, по-моему, сказано все. Воспитать ученика — это не просто подготовить парня, который бы управлялся с отверткой, мастерком или кистью не хуже тебя. Надо, чтоб он стал продолжателем твоего дела, причем привносил в него что-то свое и шел дальше учителя. По-моему, это счастье — воспитать такого ученика. И в этом, как мне кажется, весь смысл наставничества.

КУДА ДЕВАЛСЯ ГОНОР?

И. ВИКТОРОВ,
слесарь-сборщик завода радиодеталей:

— Я бы, наверное, не вступил в разговор, но так случилось, что наш бригадир, он же и наставник, сейчас в больнице... На заводе я уже много лет, но жизнь складывалась непросто. Сначала попал в цех нестандартного оборудования. Дело вроде бы интересное, каждый день собираешь что-нибудь новое, серийных узлов нет. Слесарил я с удовольствием, но, видно, не за свое дело взялся: не получается, и все тут. Брак! Начали меня гонять с участка на участок, склонять на собраниях. Кто прогульщик, кто выдает некачественную продукцию, кто не живет интересами цеха? Викторов, кто же еще! Заметался я, озлился... А тут еще утешители подвернулись, «гастрономические». Словом, поплыл...

И вот как-то подходит ко мне Сергей Николаевич Савин. Я знал, что он отличный мастер, фронтовик, Герой Социалистического Труда, так что, сами понимаете, малость заробел. Но ершусь! А он спокойно так говорит, что, мол, один парень из его бригады ушел в армию, а план выполнять надо, так что если вы, Игорь Евгеньевич — это он мне «Игорь Евгеньевич», сроду так никто не называл,— не возражаете, то верстак этого парня ваш. Мой то есть. Потом растолковал про условия труда, про заработки... Подумайте, говорит, денька два, я подожду.

Куда девался мой гонор?! Утром я примчался в бригаду раньше всех. Познакомил он меня со всеми и попросил на первых порах помогать, чтобы я вошел в курс дела. А работа у нас сложная и очень ответственная: мы собираем контрольные приборы, с помощью которых в цехах испытывают конденсаторы. Как я ни старался, нет-нет да и давал брак. Но Сергей Николаевич ни разу меня не попрекнул, не прикрикнул, не обозвал. Он сам брался за бракованный узел и исправлял мои огрехи. А я стоял рядом, красный от макушки до пяток, и старался понять, где допустил оплошность.

65 КРАСАВИЦ

А. И. ВЫХОДЦЕВА,
бригадир намотчиц завода радиодеталей:

— Вы все о парнях да о парнях. А у меня девчата — шестьдесят пять красавиц! И всем я мать-наставница. Нет, я серьезно: за глаза они меня мамкой называют. И хотя у меня своих трое, ужасно этому рада. Но это ко многому обязывает. Иной раз приходится разрешать труднейшие конфликты.

Пришла к нам несколько лет назад Таня Крысина. Огонь, а не девушка: и певунья, и хохотунья, и в работе лучше всех. А тут вдруг сникла, поскучнела... Я к ней и так и эдак — молчит. Насупится и молчит. Но однажды не выдержала, расплакалась и призналась, что полюбила хорошего парня, а родителям он не нравится. Парень жениться хочет, а его и на порог не пускают. Ох, и разозлилась я тогда! Надела парадный костюм со всеми орденами, а у меня и боевые награды есть — я ведь дошла до самой Праги — и отправилась к Таниным родителям выяснять отношения. А там и выяснять нечего: родители переживают не меньше Тани. Жалко дочку-то, а повиниться гордость мешает. Посидели мы тогда, поговорили, выпили самовар чаю... А вскоре и свадьбу сыграли.

Так что мое мнение такое: быть наставником — дело сложное. Есть у меня в бригаде Наташа П.— дерзкая, хулиганистая девчонка, она даже на учете в милиции. Как к ней подступиться?.. Меня она вообще «бабкой» величает и ни в какие разговоры вступать не желает. Будь она моей дочкой, я бы нашла способ выбить из нее дурь. А тут нельзя даже голос повысить. Меня же прямо бесит ее наглость! Тогда я попросила заняться ею двух девушек из нашей бригады — Валю Захаренкову и Олю Кислякову, они всего на три-четыре года старше Наташи, им проще установить с ней контакт. И, что вы думаете, эта троица стала неразлучной. А дерзкая Наташа постепенно превращается в милую, работящую девушку. Кто знает, может быть, со временем она присоединится к моим лучшим воспитанницам: трое из них стали орденоносцами, пятерым я давала рекомендации в партию.

Вот и прикиньте теперь, что же главное для наставницы, работающей с девушками? Доверие и еще раз доверие! Если девушка рассказывает тебе такое, чего не всякой матери скажешь, считай, что ключ к ее душе найден. А без такого ключа ни о каком воздействии на нее не может быть и речи.

БЕЗ ШАБЛОНА!

М. Е. КУКЛИН,
настройщик расточных станков завода тяжелых механических прессов, председатель областного клуба «Наставник»:

— Я вот что думаю: никаких рецептов и шаблонов в наставничестве нет и быть не может. К каждому подшефному нужен свой подход, каждый наставник работает с ним, используя прежде всего свой жизненный опыт. Но всему этому не помешают знания в области педагогики, психологии и даже медицины. Вот мы и решили пригласить в наш клуб ведущих педагогов города. Теперь будем собираться раз в два месяца. И не только лекции слушать, но прежде всего опытом обмениваться. Я, скажем, до сегодняшнего дня считал, что наставник не может быть молодым, а Иван Яншев меня переубедил: да, иногда и молодость не помеха.

И все же основная масса наставников — это, говоря словами Леонида Ильича Брежнева, кадровые рабочие, обладающие высоким мастерством, богатым жизненным опытом. Я уж не говорю о том, что вся жизнь, весь облик наставника должны быть если не образцом, то, уж во всяком случае, вызывать симпатию и уважение... Уважение... Пожалуй, я сказал главное. Тут многие говорили о дружбе. Согласен, дружба необходима. Но основана она должна быть на глубоком уважении к старшему товарищу. Ведь у этого товарища учиться надо не только ремеслу, но и тому, как твердо стать на ноги, как стать рабочим человеком, достойным этого высокого звания. Помочь в этом — наша главная задача. На то мы и наставники!

Беседу записал
Б. СОПЕЛЬНЯК.

Завершается сборка пресса.
Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА

ШУКР

Фазу **АЛИЕВА**

Да, мои далекие аварские сестры тоже писали стихи, только тайно. Когда безответная любовь брала в плен их сердца, они шептали строки мокрой от слез подушке. Когда, защищая родину, погибали сыновья и мужья и приносили их как героев на черной бурке, поэтические строки женщин звучали печальным плачем. А одна из них осмелилась бросить гневные стихи в лицо богачам — это была Анхил Марин. Ей зашили рот по шариатскому закону, положив между губами кусок толстой кожи. Мои бабушки и прабабушки унесли жар души и тепло сердца не высказавшись. А мое рождение совпало с тем временем, когда в горах воссиял свет Октября, когда на поля, озаренные им, пришли голубые воды, чтобы оросить голодную, потрескавшуюся землю, чтобы дать влагу тем зернам, что бесплодно погибали, лишенные надежды превратиться в колосья, когда первые инженеры из Москвы появились в Гергебильской теснине, чтобы укротить бурное Аварское Койсу и зажечь от него «лампочки Ильича». В просторном классе нашего аула меня встретили учительница Хажа и русская девушка Вера, которая научила говорить на языке Ленина и Пушкина. Где-то она сейчас? Я не знаю, но я вечно благодарна ей за то, что сегодня я говорю на этом языке с миром, за то, что могу читать в подлиннике Достоевского и Толстого, ночами напролет сидеть над Пушкиным и Лермонтовым. Не знала бы я без русского языка глубину некрасовской поэзии, и двухтомник моего любимого Тютчева не сопровождал бы меня во все мои заграничные поездки.

Не свет ли Октября, не русский ли язык, который мы считаем своим вторым родным языком, меня, девочку из далекого горного аула Гиничутли, дочь оставшейся без мужа с четырьмя детьми на руках безграмотной санитарки районной больницы, привели в Литературный институт имени А. М. Горького в Москве, где такие мастера слова, как Михаил Светлов, Владимир Луговской, Вероника Тушнова, научили бережно и строго относиться к своему таланту.

Я своими глазами видела расцвет моей горной страны, с трепетом носила пятиконечную звезду октябренка, и с красным галстуком на груди сидела у костров, и, как все мое военное поколение, была свидетельницей небывалого патриотизма народа, его героической стойкости. Я слышала первую тревожную весть о войне, видела, как поспешно табуны покидали горы, как горцы, кладя на недостроенные стены молотки и кирки, бросив на делянки серпы, садились на оседланных коней, чтобы защитить Союз Советских Социалистических Республик. Я видела и ощутила во всей красе проявленную в те годы дружбу народов. Мужество и стойкость моего народа, моей страны вошли будущими стихами в сердце горянки.

Нет, не была бы я поэтом, не говорила бы с вами здесь, в далекой Индии, если бы не озарил свет Октября далекие горы Дагестана, если бы не ленинская дружба народов Советской страны. У нас в горах говорят: дружба познается в беде, а не за свадебным столом. Эта пословица подтвердилась в мае 1970 года. Землетрясение нанесло тяжелый ущерб Дагестану, но почувствовать этого нам не дали: не успели мы сами осознать случившееся, как со всех концов страны стали приезжать на помощь друзья. Теперь, если вы приедете к нам в нашу столицу — Махачкалу, вы увидите квартал «Узбекистан», гостиницу «Ленинград», дома, построенные Москвой и Тулой.

Вот вы спрашиваете, много ли у нас в Дагестане таких женщин, как я. Моя биография — это биография тысяч горянок. Я восторгаюсь бесстрашием, красотой, трудолюбием моих сестер. Они шагают с колхозных ферм, с полей и садов, с государственных постов в мои произведения, вдохновляя мое поэтическое сердце. Это им я обязана всем хорошим, что есть во мне.

Так говорила я Мир Касыму.

Наша беседа длилась долго, и мы поняли, что этот человек страстно желает, чтобы его страна быстрее избавилась от тяжкого колониального наследия, воспрянула и расцвела. На прощание он подарил нам портрет Ленина. Владимир Ильич был изображен на блюде дивной красоты, сделанном руками замечательных кашмирских мастеров, может быть, тех мальчиков, которых я видела.

В доме Джалила я познакомилась с его женой Сумбетрой. Она оказалась бенгалкой. Когда я узнала об этом, во мне снова зажглась моя старая, но не стареющая любовь к Рабиндранату Тагору. Услышав из моих уст его имя, Сумбетра начала читать стихи, и я понимала ее и читала те же строки на русском, и она тоже понимала и сама говорила по-русски: «Как хорошо, что ты любишь его». Сумбетра нашла пластинки с песнями на стихи Рабиндраната Тагора, и мы долго слушали их, обнявшись.

Сумбетра, маленькая, изящная женщина, преподает в женском колледже, борется за права женщин, за их образование.

— Знаешь, нас с Джалилом свела Москва. Я, совсем юная, была там на конференции, там мы и познакомились,— сказала она.

— Какое чудесное совпадение! — воскликнула я.— Мы с мужем тоже познакомились в Москве, хотя оба из Дагестана.

— Ты моя сестра! — сказала Сумбетра и, сняв кашмирскую шаль со своих плеч, набросила на меня.— Когда дарят с плеч, это очень почетно. Это значит, ты моя сестра! — повторила она.

— И ты для меня сестра,— ответила я, снимая с руки серебряный браслет и надевая его на ее руку.

На другой день мы были в гостях у писателей Кашмира. Они очень интересовались нашей литературой, и нам было о чем рассказать. Мы поведали им о большой дагестанской литературе, которой давно уже стало тесно в высоких горах и глубоких ущельях, которая летит над миром. Впрочем, они уже знали о поэзии Расула Гамзатова и о повестях Ахмедхана Абу-Бакара, которые переведены на их язык...

Встречи, встречи! Их было много во многих городах и селах. Незабываема беседа с секретарем компартии штата Джамму и Кашмир — Абдул Сатар Ранту, с членами коммунистической партии и с воспитанницами женского колледжа, с которыми мы так подружились. Для юных девушек Советский Союз, его молодежь и женщины служат идеалом. Одна из них, по имени Видже Коки, сняла со своего пальца кольцо дивной работы с целующимися головками змей, надела на мой палец и, подобно Сумбетре, сказала:

— Ты моя сестра.

— Я твоя мать! — ответила я и обняла ее.

— Никогда не снимай это кольцо, пусть оно будет твоим талисманом. Я хочу увидеть Советский Союз, приехать в Дагестан!

— Приезжай, Видже, мы тебя примем, как родную. А захочешь остаться, будешь учиться у нас в любом вузе и жить у меня дома как моя родная дочь, а потом, получив образование, вернешься к себе.

— Я приеду! — обещала мне Видже.

И я жду ее. Пусть у нас, у дагестанских женщин и моих сыновей, будет индийская сестра. И кольцо я ношу на том же пальце, на который она мне его надела, и никогда его не сниму...

И вот заключительный митинг. Снова, как при первой встрече, цветы, цветы, цветы. В большом зале, как говорится, некуда упасть дождевой капле. Звучат речи о дружбе и любви к советским людям, которые всегда в трудный момент бескорыстно протягивают руку помощи.

Мне пришлось участвовать в состязаниях шаиров. Семь местных поэтов читали стихи, посвященные дружбе и любви. Один слепой шаир прочитал стихи, посвященные нам, советским гостям.

За прощальным обедом я сказала в ответ:

Мой тост за самый главный клад. Я пью
За дружбу, что зовется дружбой прочной.
Свяжите ниткой лапки воробью —
Он улетит, порвав ту нитку в клочья.
А если нитки все соединить
В единую, то, можно поручиться,
Ни лев, ни тигр, ни львица, ни тигрица
Не смогут разорвать такую нить.
Вот в этом же и сила нашей дружбы.
Я тост свой за такую дружбу пью,
В которой каждый, если это нужно,
Отдаст за друга даже жизнь свою.

И еще я провозгласила тост:

За то, что мне открыли двери,
И лица ваши, и сердца,
За то, что вы меня согрели
Гостеприимством у крыльца...

Лица и сердца наших кашмирских друзей навсегда останутся в душе как светлый образ Индии. Я вспоминаю, и образ этот рисуется мне на фоне двух дивных видений, представших нашим глазам во время поездки.

Как-то под вечер за нами заехал наш знакомый Гулям Мустафа, жизнерадостный, никогда не унывающий человек. Он всегда поет, он поет везде — у себя дома, у нас в гостинице, в машине, в ресторане. Сегодня он пригласил нас поехать в город Анантнаг, и не успела тронуться машина, как Мустафа, конечно же, запел. Зачарованные его песней, мы не замечали, как много уже проехали. Но вот машина сбавила ход, я подняла голову и от удивления вскрикнула:

— Что это?

По обеим сторонам дороги все залито фиолетовым туманом. Он разбит межами на делянки. Каждая делянка этого фиолетового тумана окаймлена зеленой межой, словно загадочная картина, заключенная в рамку, словно невысказанное слово любви, такой таинственной и притягательной.

— Пожалуйста, остановите машину, я хочу прикоснуться к прекрасному фиолетовому туману!

Окончание. См. «Огонек» № 18.

И Я

Девушки Индии. **Фото В. Николаева**

— Знаете, что это? — улыбнулся Мустафа.— Это — шафрановое поле!

Конечно, я много слышала о шафране, о целебных его свойствах, пробовала и блюда, сдобренные подливой с шафраном, но никогда не задумывалась, как растет шафран, какие у него лепестки. Увидев остановившуюся машину, прибежал сторож. Багавдин Асалтанович Моллаев попросил несколько лепестков, и сторож, помешкав, сорвал нам цветки фиолетового чуда с красно-желтыми стрелами внутри. Пока мы восхищались и говорили со сторожем, взошла луна, фиолетовый туман рассеялся, лепестки шафрановых цветов заиграли, залились радужным цветом, каждый лепесток превратился в горящую искру, освещающую вокруг себя все.

— Это же я вас специально вез вечером, перед восходом луны, все было рассчитано, как в космическом полете! — заявил Мустафа.

— Шукрия, Мустафа, за это чудо. Второй раз такое увидеть человеку, наверное, не дано!

Мы уехали, унося с собой аромат и красоту одного из чудесных даров кашмирской земли. Два цветка лежат у меня сейчас между страницами томика Тютчева...

Другое видение ждало нас в Агре, городе, известном во всем мире своими архитектурными памятниками. Кто из нас не слышал, не читал о легендарном мавзолее, о «любви в мраморе» — Тадж Махале!

Но никакие репродукции, никакое воплощение в миниатюре из слоновой кости и в мраморе не могут передать очаровательную душу этого памятника.

Мы приехали, когда Тадж Махал будили первые лучи солнца, и он загорался нежно-розовым перламутром. Казалось, это был не мавзолей, а пробудившаяся ото сна женщина-красавица, чей поэтический образ давно уже был в моем сердце, чья красота и нежность сочетались с безмерной добротой. Она будто снимала белоснежное покрывало, накидывая на себя нечто нежно-розовое, а два соседних здания из темно-красного песчаника были похожи на двух ее темнокожих телохранителей.

Ее звали Мумтаз Махал — любимую супругу Шах Джахана. В переводе это означает «Венец дворца». В девятнадцать лет став женой шаха, она своей безмерной добротой сумела завоевать его безграничную любовь.

Вдохновленная и восторженная, я стою у мавзолея.

— Здравствуй, Мумтаз Махал!

— Здравствуй, незнакомка! Кто ты?

— Я поэт двадцатого столетия, я горянка из аула Гиничутли.

— Долго ли я спала?

— Всего три с лишним века. Это биение моего сердца нарушило твой покой. Но я не первая и не последняя. В эти зеркальные водоемы, где отражается твой облик, падают слезы удивления и восторга, слезы поэтов и художников.

— Чем я заслужила эти слезы?

— В горах говорят, что дальше всех летит и вечно живет доброта. Твои добрые дела, Мумтаз Махал, волнуют меня! Не ты ли так безмерно любила своего мужа, не ты ли, женственная из женственных, родила ему десятерых детей и не ты ли смягчала его жестокое сердце, вызывая в нем умиление и добиваясь прощения обреченным? Не ты ли, Мумтаз Махал, добывала у мужа помилование приговоренным к казни, не дав осиротеть детям и овдоветь женам? Этим ты возвысилась не только в глазах мужа, но и в глазах всего народа. Ты стала бессмертной в веках, превратившись в мраморное чудо. Это ради тебя после твоей кончины муж собрал со всего света самых одаренных художников и архитекторов — лучших мастеров зодчества. Твой романтичный образ вдохновлял этих зодчих.

— Я не сделала ничего особенного, я была просто матерью и женщиной! Разве мать, в чьем сердце любовь к своим детям, может позволить, чтобы у других детей отняли родителей, в чьих сердцах такая же любовь? — говорила она мне.

— Мумтаз Махал, я сиротой росла, я видела ужасы войны двадцатого века. Нет на земле не матерью рожденных сыновей, но, нарушив мир и расстреляв зарю над рощами и реками, кровью облили фашисты нашу землю. Мумтаз Махал, ты, наверное, не чувствуешь жара освенцимских печей, ужасов Бухенвальда, ты, наверное, не слышишь колокольного звона в опустевшей Хатыни, в котором плач тысяч сожженных деревень?

— О чем ты говоришь, разве мертвым не бывает больно? Пули, в какой бы стране ни стреляли, неизменно попадают в сердце художника.

— Я знаю, потому что я поэтесса, и боль всех народов — в моем сердце. Мумтаз Махал, я девочкой была свидетелем небывалого мужества моего народа. Погибали наши отцы, братья, сыновья, но палачам не пришлось торжествовать. Салют Победы звучал и сиял над Кремлем — в сердце Советской страны. И мир на земле, как и всегда,— наша заветная цель. Я пришла к вам с миром и дружбой, представителем советских женщин, и ты, жившая в семнадцатом веке, ты, чьим уделом было сеять доброту, вызвала мою слезу восторга и вдохновения.

Пока шел этот неслышимый диалог, жаркое солнце Индии быстро поднималось к зениту. Мумтаз Махал словно откинула розовое покрывало и надела золотисто-парчовое сари, чтобы окунуться в гущу жизни и снова вершить добрые дела. Все шире, «полноводнее» становился поток туристов, говорящих на разных языках, одетых в разную национальную одежду. А солнце и ликующий день сделали Тадж Махал еще значительнее, придали ему изумительную монументальность.

Приблизившись вплотную к стенам Тадж Махала, обнаруживаешь тонкий, изысканный орнамент из агата, малахита, янтаря, изумруда, кораллов, яхонтов и других камней, искусно оправленных в мрамор, окутывающих, словно прозрачным муслином, все здание.

— Говорят, Тадж Махал красивее всего при лунном свете,— сказал Расул Магомедович.

— Я хочу посмотреть Тадж Махал при лунном свете! — сказала я.

— Слышишь, Багавдин, что говорит Фазу?

Багавдин Асалтанович улыбнулся.

— Слышу, Расул Магомедович. Куда же нам деться? И здесь, в Индии, нам не дали почувствовать настоящую мужскую свободу, послали с нами женщину, и она командует двумя мужчинами! До чего мы дожили! Было бы это пятьдесят лет назад, она бы вообще не знала, что за горой, возвышающейся перед ее аулом, тоже есть жизнь.

Расул Магомедович вздохнул и улыбнулся:

— Как сказал у нас старый горец, давно пора в Дагестане закрыть женотделы и открыть мужотделы. Теперь не их от нас надо защищать, а нас от них...

К Тадж Махалу мы вернулись, когда луна в небе лишь смутно угадывалась.

Но вот она заблистала, и Тадж Махал превратился в почти неосязаемый голубоватый призрак. Будто красавица в газовом голубом одеянии ждала своего возлюбленного.

Много людей смотрели Тадж Махал при лунном свете вместе с нами, но царила такая торжественная тишина, что мы слышали собственное дыхание. Я стояла, боясь пошевелиться, боясь спугнуть в ночной таинственной тишине прекрасную музыку — симфонию любви и верности.

— Спокойной ночи, Мумтаз Махал, меня уже зовет моя Родина, на рассвете наш самолет поднимется над легендарной Индией и полетит в мой отчий дом. Я расскажу своему народу и о тебе — о прекрасной женщине, что украсила собою мир навеки.

Молча мы покинули Тадж Махал, и каждый из нас нес в своей груди зажженный им огонь вдохновения.

Мне, как поэту, простят, если я, проявив несвойственную горянке откровенную восторженность, громко скажу своей Родине:

— Спасибо, что ты есть на земле, что ты, свободная, дала мне жить в такую прекрасную эпоху. Гениален наш строй, где равен каждый человек, где каждому доступны все те богатства, которыми владеет страна, где каждый человек — созидатель ее материального и духовного богатства.

И, поддавшись неостывшему чувству, скажу далеким своим друзьям:

— Шукрия, Индия, за твое гостеприимство и простоту, за любовь к нам, к нашему народу. Вечно будет звучать у нас в сердцах твое сказанное по-русски «спасибо». Тебе, легендарная страна, которую я впервые увидела с высоты небесной на алом пожарище зари, еще и еще раз — шукрия!

Дина Олдридж и Джеймс Олдридж. Фото М. Савина

ДЖЕЙМС ОЛДРИДЖ В «ОГОНЬКЕ»

На днях редакцию «Огонька» посетил вместе с супругой широко известный советским читателям английский писатель Джеймс Олдридж, находившийся в нашей стране по приглашению АПН. В настоящее время «Огонек» готовит к печати его новую повесть «Джули отрешенный» (перевод Р. Облонской). Во время встречи состоялась дружеская беседа с писателем.

«ОГОНЕК». Как появилась эта повесть?

ОЛДРИДЖ. История этого австралийского мальчика действительно имела место в том городе, где он жил. Не совсем, конечно, точно, не было никакой проблемы с его матерью. Это фантазия автора. Но я хотел придумать это, потому что именно таким путем легче было раскрыть судьбу самого мальчика. Женщина такая действительно была, но она не была матерью мальчика. Как и во всех произведениях, образ — это мозаика характеров. Я хотел написать австралийского Фауста, но это должен был быть Фауст наоборот. Здесь не дьявол, не черт, который совращал. Здесь бог совращает. Истинным совратителем является религия. Мальчик должен был преодолеть очень многое для того, чтобы стать музыкантом. Суд в конце повести — готовая драма. В каком-то отношении это — историческое повествование. Мальчик рассказывает адвокату свою историю. И адвокат понимает, что весь город вовлечен в эту драму. Автор показывает город через восприятие адвоката, который знает этот город. Таким образом, показывается вся Австралия через один город. Писать было очень интересно и очень трудно. Писал с болью, даже не знал, чем это кончится.

«ОГОНЕК». До нас дошел слух, что закончен новый роман?

ОЛДРИДЖ. Да, но это другая тема. Это повесть об отношениях между писателями — Хемингуэем и Фицджеральдом. О настоящей дружбе двух людей. Они были близкими друзьями, но потом что-то случилось, и они перестали быть друзьями. Фицджеральд продолжал восхищаться Хемингуэем, а Хемингуэй — нет. Что произошло? Никто не знал, почему Хемингуэй перестал хорошо относиться к Фицджеральду. Действие романа происходит в 1929 году во Франции. Название «Один последний взгляд», так сказать, последний взгляд на их юность.

«ОГОНЕК». Где собираетесь публиковать?

ОЛДРИДЖ. В журнале «Иностранная литература». С этим журналом у меня такая же дружба, как с «Огоньком».

«ОГОНЕК». Какие планы на будущее?

ОЛДРИДЖ. Жена требует, чтобы я сделал перерыв в работе.

«ОГОНЕК». Какие планы по поводу отдыха?

ДИНА ОЛДРИДЖ. Когда он перестанет писать, мы будем думать об отдыхе.

«ОГОНЕК». Видимо, такова профессия писателя, что не писать нельзя.

ДИНА ОЛДРИДЖ. В следующий раз, когда я буду выходить замуж, то выйду за какого-нибудь банковского клерка, который имеет нормированный рабочий день, спит по ночам и т. д.

«ОГОНЕК». А финансовый кризис?

ДИНА ОЛДРИДЖ. А вы думаете, у нас он не касается писателей? По-моему, больше, чем кого бы то ни было.

ОЛДРИДЖ. Кстати, издательство «Детская литература» отдельной книгой издало повесть «Спортивное предложение», ту, что печаталась в «Огоньке».

«ОГОНЕК». Что послужило поводом для этого приезда?

ОЛДРИДЖ. Прежде всего приехал, чтобы повидаться с друзьями, чтобы вдохнуть свежего воздуха международной жизни. События так быстро происходят, так быстро все меняется каждый год. Поэтому каждый приезд в Москву — это вдохновение новыми идеями. Недавно закончился XXV съезд КПСС, внесший много нового, много сделано в отношении разрядки международной напряженности. Я приехал за глотком свежего воздуха, и я его здесь получил. Очень приятно уезжать, чувствуя, что получена большая уверенность в правоте нашего дела.

САРАТОВСКОЙ ОПЕРЕ — 100 ЛЕТ

Состоявшаяся 15 августа 1875 года премьера «Ивана Сусанина» Глинки, осуществленная русской оперной труппой П. Медведева, ознаменовала рождение театра. В первом же сезоне саратовцы слушали «Русалку» Даргомыжского, «Аскольдову могилу» Верстовского, «Руслана и Людмилу» Глинки, «Рогнеду» Серова...

Провинциальный зритель России обрел свой оперный театр. Но подлинное приобщение народа к сокровищам музыкальной культуры стало возможным лишь в годы Советской власти. Оперно-балетная труппа Саратова стала в двадцатые годы предшественницей нынешнего театра оперы и балета имени Н. Г. Чернышевского, где успешно развивается сегодня богатейшее наследие русского сценического искусства. Характерно, что век спустя зритель вновь встретился с произведениями, принесшими признание саратовской опере: «Вражья сила» Серова, «Князь Игорь» Бородина, «Каменный гость» Даргомыжского...

Подлинным украшением нынешнего юбилейного сезона здесь стал «Борис Годунов», интересный, мощный спектакль с яркими народными сценами. Великолепно прозвучал стоголосый хор дирижерско-хорового факультета Саратовской консерватории имени Л. В. Собинова; признание зрителей заслужили также оба исполнителя заглавной партии: Николай Брятко и Иван Киселев; запоминающийся образ Юродивого создал Алексей Сабадашев.

Театр ведет большую просветительскую работу; многолетняя дружба связывает коллектив с трудящимися села.

Сцена из оперы «Борис Годунов»: Борис — Н. Брятко, Шуйский — В. Ильвохин. Фото О. Полянского

Л. РОНДЕЛИ

ЖОСТОВСКИЕ ПОДНОСЫ

Из далекого прошлого пришли в наш быт нарядные предметы народного искусства — расписные игрушки, посуда из бересты, дерева или глины, ткани, украшенные ярким орнаментом. Многие из них давно утратили свое первоначальное утилитарное назначение и в наши дни служат скорее украшением интерьера. Пожалуй, только лакированным жостовским подносом пользуемся мы, как наши деды и прадеды, принимая гостей. В свое время этот блестящий, с ярким узором металлический поднос был в большом ходу. Без него невозможно представить себе «пару чая», всем своим видом он словно символизировал широкое русское гостеприимство, веселя и своей формой и узором в виде броско написанных рукой безвестного художника пунцовых розанов или сказочного пейзажа.

Основателями промысла сегодня называют крестьян Вишняковых, Митрофановых, Леонтьева, Беляева. Знаменательно, что известные профессиональные художники также отдали должное жостовскому подносу. Иные, откровенно любуясь ими, включали их в композиции своих натюрмортов и даже пытались создавать для них декоративные рисунки.

Ныне подносы производит подмосковная Жостовская фабрика декоративной росписи, недавно она отметила юбилейный, 150-й год своего существования. Ее изделия известны не только в нашей стране, но и далеко за пределами Родины. Более 800 тысяч подносов ежегодно выпускает фабрика, и что удивительно — все они разные, не найти двух абсолютно тождественных. На большинстве из них изображены георгины, гвоздики, розы, ромашки, но, как и в природе, на каждом подносе они отличаются друг от друга. Это очень характерно для Жостова и для всего народного декоративно-прикладного искусства. Каждая работа уникальна, мастер сам расписывает поднос от начала до конца. Свободная импровизация никогда не отрывается от художественных традиций, что и придает промыслу свое лицо, особый стиль. Главный художник фабрики, заслуженный художник РСФСР Б. В. Графов, он же и главный хранитель лучших канонов жостовской росписи,— незаурядный, талантливый мастер.

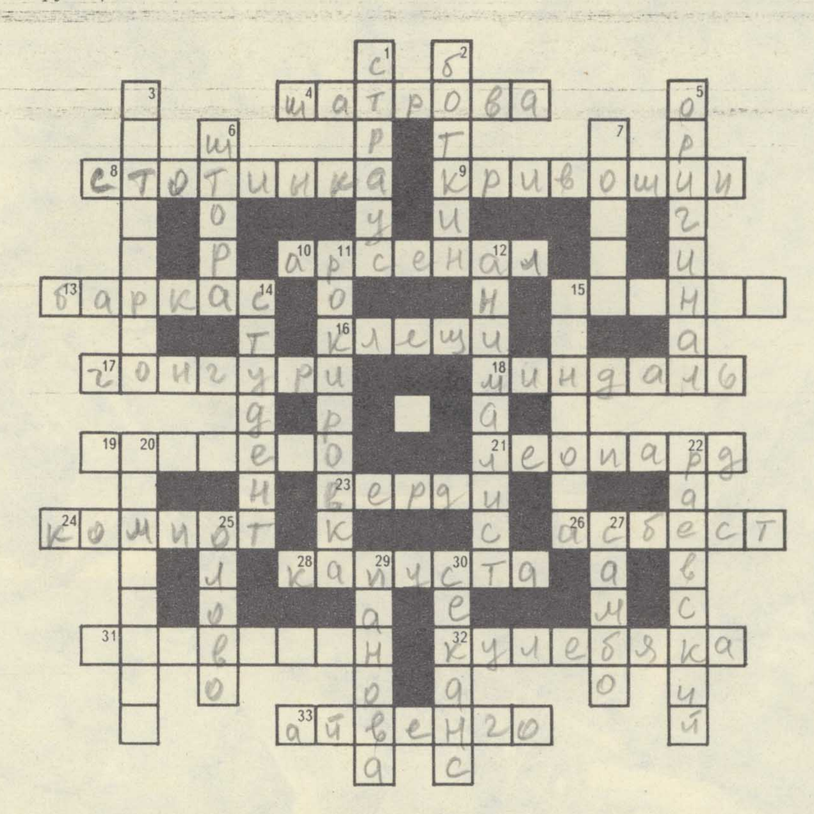
Для жостовских подносов характерна богатая и вместе с тем строгая композиция, прекрасное понимание масштаба, тонкий художественный вкус, цветовая гармония, отсутствие пестроты и в то же время нарядность, праздничность, а в крупных изделиях — особая, торжественная декоративность. Притом каждому мастеру присущ собственный стиль. Роспись М. П. Савельева можно узнать по широте мазка, особой мягкости колорита, тяготению к теплым цветам — красному, коричневому, желтому. Композиции Е. П. Лапшина составлены из плотных букетов, ярких цветовых пятен. У него преимущественно пышные, сочные краски садовых цветов, особенно он любит розы. Индивидуальная техника исполнения отличает и других ведущих мастеров, таких, как заслуженный деятель искусств РСФСР А. П. Гогин, заслуженные художники РСФСР З. А. Кледова, Н. П. Антипов, живописцы Н. Н. Гончарова, В. И. Летков, Н. Н. Мажаев и другие.

Раньше роспись жостовских подносов считалась чисто мужской профессией, но с 1930 года на фабрике начинают работать женщины. Сегодня здесь трудятся 180 живописцев. Каждый год на фабрику приходят выпускники отделения жостовской росписи Федоскинской трехгодичной художественной профтехшколы. Современные мастера свято берегут опыт и традиции своих предшественников, сохраняют и приумножают славу самобытного жостовского искусства.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Актриса Малого театра. 8. Болгарская разменная монета. 9. Звено механизма, которое совершает полный оборот вокруг неподвижной оси. 10. Опера Г. И. Майбороды. 13. Дальневосточная лодка. 15. Выступ, завершающий стену здания. 16. Рычажный инструмент. 17. Грузинский народный танец. 18. Южное плодовое дерево. 19. Город в Югославии. 21. Хищное млекопитающее семейства кошачьих. 23. Итальянский композитор. 24. Сладкое блюдо. 26. Огнестойкий минерал. 28. Овощное растение. 31. Курорт в Азербайджане. 32. Пирог. 33. Роман В. Скотта.

По вертикали: 1. Крупная птица, обитающая в пустынях. 2. Русский врач-терапевт. 3. Повесть в стихах М. Ю. Лермонтова. 5. Подлинник. 6. Оконная занавеска. 7. Мякоть кокосового ореха. 11. Шахматный ход. 12. Художник, изображающий животных. 14. Учащийся высшего учебного заведения. 15. Река в Кемеровской области. 20. Неточная рифма. 22. Поэт-декабрист. 25. Жидкий металл. 27. Спортивная борьба. 29. Советская писательница. 30. Тригонометрическая функция.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали: 7. Верещагин. 10. «Болеро». 11. Корсак. 12. Ниагара. 13. Вакцина. 15. «Ватага». 16. Курган. 17. Бархат. 22. Лекало. 25. Арктика. 26. Камелия. 28. Пасека. 29. «Челкаш». 30. Калорифер.

По вертикали: 1. Орегон. 2. Бричка. 3. Панорама. 4. Петрарка. 5. Барбарис. 6. Парабола. 8. Церера. 9. Гример. 13. Вахта. 14. Акула. 18. Альманах. 19. Хоккей. 20. Скоморох. 21. Биология. 23. Кигали. 24. Лавуазье. 26. Какаду. 27. Ячмень.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Наша юность. Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Жостовские подносы. За работой — заслуженный художник РСФСР Н. П. Антипов. (См. в номере материал Л. Рондели). Фото Б. Кузьмина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ, Н. А. ИВАНОВА, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

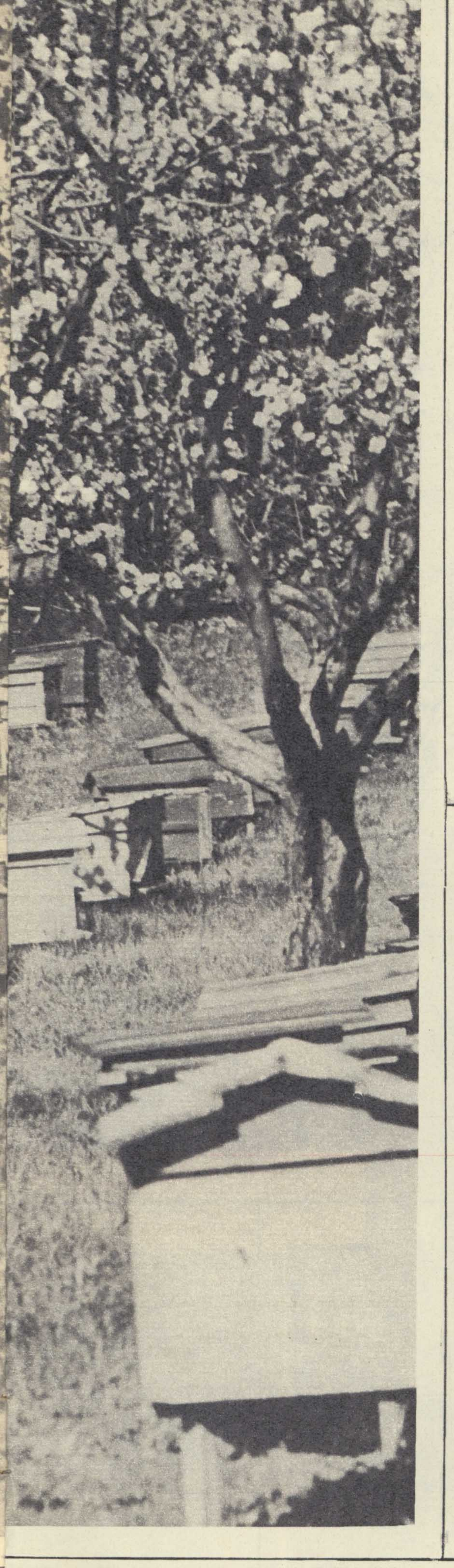
Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 258-14-07; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 19/IV — 1976 г. А 05927. Подп. к печ. 4/V — 1976 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1237. Тираж 2 070 000 экз. Заказ № 2153.

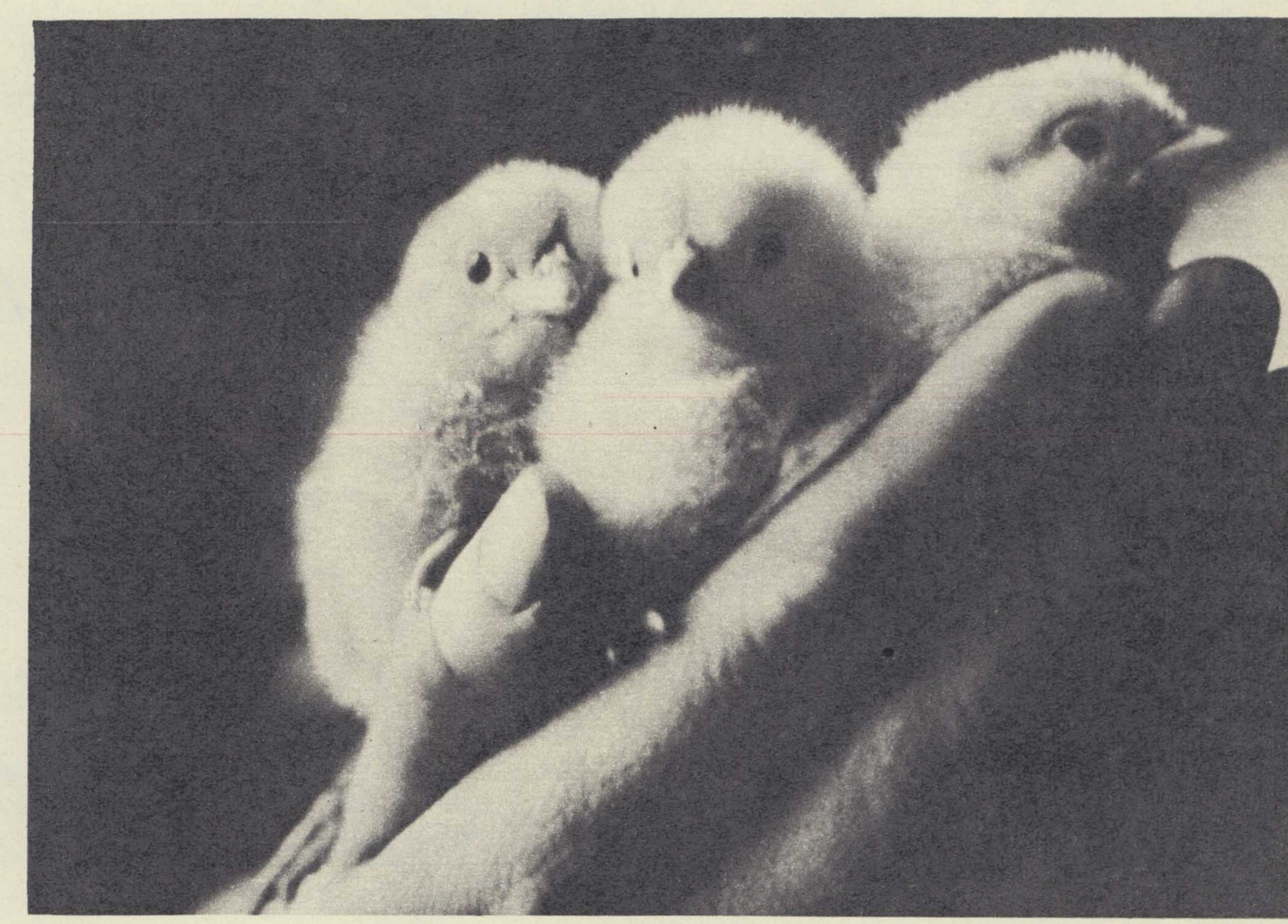
Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ВЕСНА, В

ЕСНА...

Фоторепортаж
из Рязани
Михаила САВИНА

91/2-135

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663